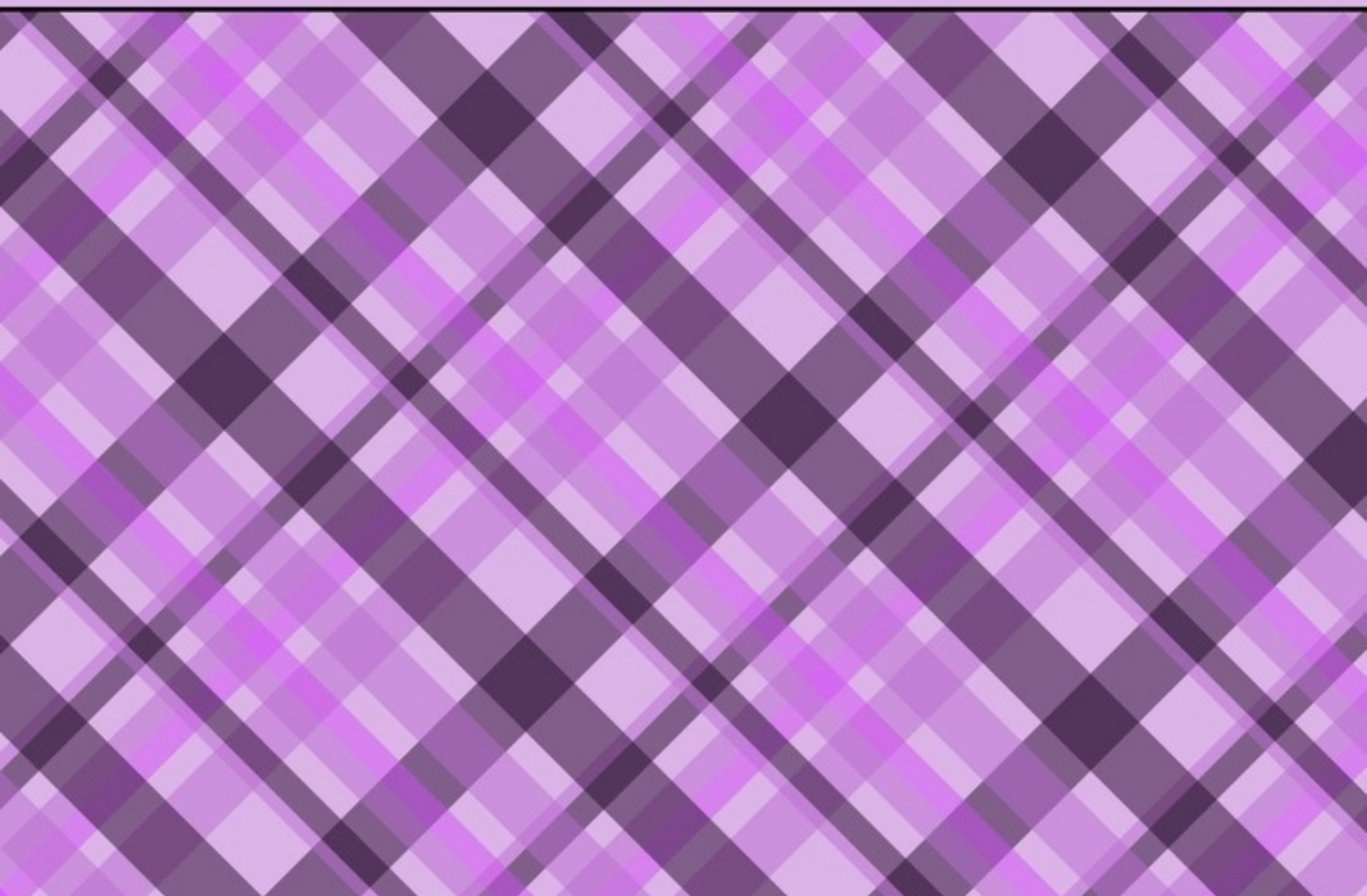

Сергей Степанов-Прошельцев

*Война... Как
много в этом
звуке!*

Сергей Степанов-Прошельцев

Война... Как много в этом звуке!

«Издательские решения»

Степанов-Прошелецев С.

Война... Как много в этом звуке! / С. Степанов-Прошелецев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-502330-8

Наши предки часто воевали. Но это не значит, что агрессия изначально была заложена в их природе. Чаще всего они защищали свой дом, свою землю. И воевали бесстрашно.

ISBN 978-5-00-502330-8

© Степанов-Прошелецев С.
© Издательские решения

Содержание

Сергей СТЕПАНОВ-ПРОШЕЛЬЦЕВ	6
1.ПОД ВЛАСТЬЮ ЗАХВАТЧИКОВ	7
«МЭР» ОРДЫНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ	10
ТАЙНЫ КНЯЗЯ ПОЖАРСКОГО	20
ДВОЙНИКИ ДВОЙНИКОВ	26
10 ДНЕЙ И ВСЯ ЖИЗНЬ	30
ПЕШИЕ КОННИКИ	38
4. ЖЕНЩИНЫ В АРМИИ	42
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Война... Как много в этом звуке!

Сергей Степанов-Прошелец

© Сергей Степанов-Прошелец, 2019

ISBN 978-5-0050-2330-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сергей СТЕПАНОВ-ПРОШЕЛЬЦЕВ

ВОЙНА... КАК МНОГО В ЭТОМ ЗВУКЕ!

Война всегда была средством для внешнего и косвенным средством для внутреннего объединения человечества. Разум запрещает бросать это оружие, пока оно нужно, но совесть обязывает стараться, чтобы оно было оружием.

Владимир Соловьёв

1. ПОД ВЛАСТЬЮ ЗАХВАТЧИКОВ В КРУГЕ ПЕРВОМ

— Резко выросли цены на продукты, разбалансирован рынок, инфляция набирает темпы...

Конечно же, шесть с лишним веков назад так не изъяснялись, но смысл сказанного на боярском совете Нижнего Новгорода был именно таким. Смутное было время, во многом напоминающее нашу действительность. Впрочем, давным-давно замечено: история повторяется, а чтобы прогнозировать будущее, надо чаще заглядывать в прошлое.

Итак, круг первый (хотя первый ли?). Может быть, он даст ответ на вопрос, что нас ожидает?

Законы рынка сильнее мечей

Если посмотреть на карты того времени, то сразу становится понятным: единого Русского государства, по сути дела, не существовало. Мелкие и крупные феодальные княжества воевали друг с другом, запрещали вывозить со своих территорий изделия ремесленников, продукты питания. Разладилась торговля, приуныли корабейники.

Княжества вынуждены были платить непомерную дань Золотой Орде – монголо-татарское иго окончательно ещё не было свергнуто, хотя многие историки сегодня утверждают, что никакого ига на Руси не было. Дескать, инициатором дани был благоверный князь Александр Невский — ему якобы требовался надежный союзник в борьбе против Литвы и немецких рыцарей. Он даже подружился с сыном Батыя Сартаком, и этим обеспечил Новгороду Великому и другим русским городам защиту на долгие годы. Русские же князья в это время враждовали между собой — власть и земли поделить не могли, а на подмогу звали татар и платили им за это.

Увы, версия не выдерживает критики. Есть много документальных свидетельств, что иго всё-таки было. Сборщики ясака забирали у людей последнее – совсем как современные судебные приставы, для которых выселить человека из квартиры – совершенно обычное дело.

А тут ещё разразилась катастрофа, по своим масштабам сопоставимая с Чернобыльской. По России, опустошая все на своем пути, прокатилась страшная эпидемия моровой язвы — бубонной чумы. Люди боялись пить воду из рек. Пожары смели с лица земли целые города.

Зараза переходила от одного дома к другому. Дома умерших от чумы сжигали вместе с надворными постройками. Но и это не помогало. Число тех, жизни которых забрала моровая язва, исчислялось тысячами.

Вот тут-то, как и сегодня, взлетели цены на всё. Прежде всего — на хлеб, который крестьяне боялись привозить в города. Возмущенные нижегородцы избивали в кровь спекулянтов, прощу прощения, предпринимателей, но цены не опускались. Не смог обуздать их и княжеский ОМОН, наводивший порядок на торжище. Законы рынка оказались сильнее мечей и копий. Правда, тогда лицемерия у властей предрежащих было поменьше. Они не мотивировали повышение цен на предметы первой необходимости ростом мировых цен, санкциями и всеобщим кризисом.

Власть — как мёд...

Когда заразился чумой и умер князь нижегородский князь Андрей Константинович, город прибрал к рукам его младший брат Борис. И начал он, как его тёзка, покойный Борис Николаевич Ельцин, как и Владимир Путин, менять воевод, стало быть, губернаторов, отда-

лять бояр, заживевших у кормила власти, олигархов, как, например, Ходорковского, короче, рубить с плеча.

Не понравилось это бывшим функционерам, ох как не понравилось! Нехорошее это ощущение, когда из-под тебя номенклатурное кресло выдергивают. И написали они челобитную ещё одному брату Бориса, Дмитрию. Дескать, надо партийный съезд созвать, то бишь, боярский совет, осудить отступника.

Дмитрий пожаловался великому князю московскому — Дмитрию Донскому. Тот послал в Нижний Новгород... Нет, не нового губернатора а, а игумена Троицкого монастыря Сергия Радонежского, который прославился тем, что благословил Дмитрия Донского на борьбу с татарами. К его мнению прислушивались все, даже митрополит Алексей, но только не князь нижегородский. Упрямым был, гнул свою линию.

От поездки в Белокаменную, куда приглашал Бориса преподобный отец Сергей, князь Борис наотрез отказался. Видимо, чувствовал, что она добром не закончится. Перспектива быть вздернутым на дыбу и испытать пытки калёным железом его как-то не прельщала.

Тогда Сергей Радонежский прибег к крайней мере — закрыл все церкви в городе. Решение было простым, но в тех условиях весьма эффективным: без церкви и молитв наши предки жизнь свою просто не представляли.

Народ возроптал. Несанкционированный властями митинг потребовал «отставки» Бориса. «ОМОН» в лице княжеских дружинников рассеял вольнодумцев, Правда, без применения слезоточивого газа — тогда его, к счастью, еще не изобрели.

Но Борис всё же смирил гордыню — московские полки подошли вплотную к стенам Нижнего Новгорода. И пришлось делиться властью с братом — Борису в итоге достался только княжеский трон на периферии, в Городце.

Но опальный князь ждал своего часа.

Демократом стать не трудно

Нет, никаких телеинтервью с требованием отставки вышестоящего руководства Борис не давал. Во-первых, ещё не было телевидения, а во-вторых, этого и не требовалось. Просто Борис очень четко понял: в своих политических целях можно умело использовать межнациональные распри.

В конце 80-х годов XIV века татарский царевич Арапша, действуя без санкции хана, напал на бывшую вотчину Бориса. Сюда же устремилось, надеясь пожить, и мордовское войско. Используя разногласия между нападавшими, Борис нанёс неприятелю поражение у реки Пьяны. И хан Золотой Орды Тохтамыш после смерти Дмитрия отдал Борису ярлык на княжение в Нижнем.

Его встретили на-ура, поскольку в Городце Борис ударился в «демократические» преобразования, снискал себе славу заступника бедных. Но эти заступничества выглядели примерно так же, как сегодня обещания прибавить пенсии, тогда, как рост цен проглатывает эту прибавку, как голодный удав бедного кролика.

Впрочем, «аппаратчики» со здравницами в честь Бориса не торопились. Думные бояре даже и малой толики власти отдавать не хотели. Подогреваемые ими, в бой рванулись сыновья Дмитрия — племянники Бориса. Вооружившись, они вновь принудили своего дядю сложить с себя княжеские полномочия.

Последний бой — он трудный самый

Прошло ещё несколько лет. Князь нижегородский — всё тот же Борис Константинович. Хитростью выпросил он у Золотой Орды ярлык на княжение. И опять — ненадолго. В Орде неожиданно передумали и отдали Нижний московскому князю Василию. Богаче оказались подношения молодого и энергичного князя, наследника умершего Дмитрия Донского.

Но Борис не намерен уступать. Он созывает боярский совет. Анализируется политическое и экономическое положение княжества, намечается программа действий. Всё, как сегодня, на съезде единокороссов.

Много было всяких разных слов сказано.

— Не печалься, князь, — заверил Бориса боярин Василий Румянец. — Все мы тебе верны и готовы головы сложить за тебя.

Но слова боярина шли не от сердца. Давно уже пообещал Румянец выдать Бориса князю Василию. И это произошло, когда в Нижний пожаловали послы из Москвы. Борис, его жена и дети в оковах были высланы в разные города. Что случилось с ними, летопись умалчивает. Что с этого поимел Румянец, неизвестно тоже.

Борьба продолжается

Но история эта имела продолжение. В 1394 году племянники Бориса Семён и Василий направились в Орду, чтобы выпросить там ярлык на княжение Нижним Новгородом. Московский князь бросился за ними в погоню, однако братья успели скрыться. Вскоре Семён вместе с татарским царевичем Ейтяком, собрав тысячное войско, подступил к Нижнему Новгороду и взял его. Но через две недели, узнав, что московский князь тоже собирает рать, татары позорно бежали. Исчез и Семён.

Был объявлен «розыск». Московские воеводы нашли жену Семёна, княжну Александру, и взяли её в заложницы. Семён униженно покаялся, отказался от своих притязаний — а что ему было делать в этой ситуации?! Но его не простили. Князь Василий отправил его в ссылку куда-то на Вятку, где Семён подозрительно быстро умер.

Оставили свои намерения и другие братья Семёна, а также сыновья Бориса — Иван и Даниил. И Нижегородское княжество потеряло свою самостоятельность, стало подчиняться великому князю московскому. Завершался процесс централизации Русского государства ([Греков И. Б.](#), [Шахмагонов Ф. Ф.](#) Мир истории. Русские земли в XIII – XV вв. Москва, издательство «Молодая гвардия», 1988).

Тихой сапой

Самое поразительное, что всё повторяется. Естественно, в другом плане. Тем не менее московские компании захватывают самые прибыльные сферы экономики Нижегородской области. И делается это так, что никто и не подкопается.

Сегодня крупнейшие предприятия находятся в полной зависимости от московских управляющих компаний. И налоги уплывают из региона, выходит, что нижегородцы платят дань, как платили её шесть с лишним веков назад. Но не татарам.

«МЭР» ОРДЫНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ

Про всё это давно забыто. Но из песни слова не выкинуть: в 1445 году Нижний Новгород был... столицей Казанского царства, а хан Улу-Махмет (по другим источникам, Улу-Мухамет, Улу-Мухаммед) исполнял обязанности «мэра». Уникальная ситуация, ничего не скажешь!

Самая большая ошибка

Когда орда Батыя напала на Русь, летописцы утверждали, что это были татары. Но вот тут-то крылась самая большая историческая ошибка. Вторую ошибку допустили, когда татар заменили монголо-татарами.

Предками нынешних татар были болгары. Их государственное образование известно задолго до того, как Чингизиды прониклись мыслью о вселенском господстве. Если точнее — с пятого века нашей эры. Тогда в Булгарии проживало примерно два миллиона человек.

Отношения болгар и русичей складывались в непростых условиях. Ходили военными походами друг на дружку, но были периоды, когда жили в мире и согласии, обменивались товарами. Два последних перемирия заключили в 1221 и 1229 годах. Но тут пришли чингизиды. Они вторглись в пределы Волжской Булгарии и покорили её. В 1240 году территория её вошла как автономия в состав Золотой Орды. Русь тоже была покорена с одним только отличием — князья платили дань, но в состав своего государства золотоордынцы её не включали.

О том, что происходило потом, историки спорят на протяжении не одного столетия. Одни утверждают, что азиаты принесли столько бед, что под вопросом стояло само существование русского народа. Другие, наоборот, убеждают, что никакого ига не было. Однако археологические данные это не подтверждают. В культурных отложениях 30-40-х годов XIII века обнаружены слои сплошных пожарищ и многочисленные братские могилы погибших. 14 разоренных Батыем городов так и не смогли подняться из руин, а еще 15 не восстановили своего значения. Впрочем, жестокий удар поразил также крепости, волостные центры, феодальные замки. Выжила лишь четверть всех поселений. Запустились окультуренные земли, нарушились сложившиеся системы земледелия. Это обстоятельство в не меньшей степени, чем гибель городов, надолго затормозило развитие Руси.

Но спустя пару столетий Золотая Орда уже дышала на ладан. Хан Тохтамыш, разоривший Москву после Куликовской битвы, потерпел жестокое поражение в борьбе со среднеазиатским диктатором Тамерланом (Тимуром). Столица Золотой Орды Сарай-Бату превратилась в пепелище. Наметился распад государства на отдельные вотчины.

В 1432 году Ордой правил внук Тохтамыша Улу-Махмет. В это время здесь находился московский князь Василий Васильевич (Василий II), который получал ярлык на великое княжение. В Орде Василий был готов искать опору своей власти. Но она сама давно уже перестала быть могучим государством. Братья Улу-Махмета — хан Астрахани Седи-Ахмет и совсем еще юный Кичи-Махмет — возжелали свергнуть с трона старшака.

Улу-Махмету удалось сбежать. Он со своей личной гвардией занял городок Белёв на Дону и послал гонцов к Василию Васильевичу. Гордый хан униженно просил покровительства, а московский князь расценил это почему-то как провокацию. Он напал на Улу-Ахмета, но переоценил свои силы. В результате московское войско было разбито.

Авторитет Улу-Махмета, обосновавшегося в Казани, сильно возрос, его поддерживали черемисы и болгары, крымские татары. Казанское ханство оказалось на пересечении важных торговых путей. По Волге с древних времен переправляли меха и кожи, персидские ткани и ковры, хлеб и лошадей из ногайских степей. Казанское ханство вело торговлю с Персией, Индией, Египтом, Сирией.

Но Улу-Махмету этого было мало. В 1444 году он грабит восточные русские области, а затем штурмом берет Нижний Новгород, который намеревался сделать своей столицей.

О чем молчат летописи

Большинство летописцев данный период почему-то не удостаивают своим вниманием. Вероятно, из-за того, что это считалось величайшим позором, когда древним русским городом правил иноземец. Более того, отсюда Улу-Махмет совершал набеги на другие русские города. В его планах было завоевание Москвы, Владимира, Твери, Смоленска, Рязани и даже Новгорода Великого.

Но возрос и авторитет великого князя московского. В составе войска Василия Васильевича появились ордынские князья с отрядами своих воинов. И получалось, что потомки Чингисхана стали воевать друг с другом.

Разграбив Коломну и Муром, Улу-Махмет не стал сражаться с объединенным отрядом русских князей и отступил в Нижний Новгород. Василий II преследовать его не стал. Но пребывание Улу-Махмета в непосредственной близости от Москвы раздражало князя. И летом 1445 года он вместе с двумя своими сыновьями отправляется в поход с целью выбить Улу-Махмета из Нижнего.

Войско Улу-Махмета стояло у Суздаля. В первом же сражении отряд Василия Васильевича был разбит, а сам он попал в плен. Подступив к Владимиру, Улу-Махмет потребовал за великого князя большой выкуп, угрожая сжечь город.

Владимирский князь не прореагировал. Но и Улу-Махмет на приступ не отважился. Муромской дорожкой он отправился к Курмышу, послав своего гонца Бегича к князю угличскому и галичскому Дмитрию Шемяке с предложением стать ещё и князем московским. Небезвозмездно, разумеется.

Сплошной детектив

Сколько у истории совпадений! Бегич был потомком того самого Бегича, который возглавлял рать хана Мамай, отправленную им с целью усмирить Москву и привезти голову князя Дмитрия Донского.

«В год 1378 ордынский князь, поганый Мамай, собрав многочисленное войско, послал Бегича ратью на великого князя Дмитрия Ивановича и на всю землю Русскую. Великий же князь, услышав об этом, собрал много воинов и пошёл навстречу врагу» — так начинается «Повесть о битве на реке Воже». И сама эта битва тоже знаковая — она закончилась полным разгромом золотоордынцев. Мурза Бегич рискнул форсировать реку на виду у противника и, переправившись, широким фронтом, атаковал русские силы. Это была непростительная ошибка. *«И ударили на них с одной стороны Тимофей (Вельяминов, — С.С.-П.), окольный, а с другой стороны – князь Даниил Пронский, а князь великий ударил в лице (в лоб, — С.С.-П.). Татарове же... повергли копья свои и побежали за реку за Вожу, а наши после за ними, бяюча их и секучи и колючи»* (Симеоновская рукопись).

Бегич (по-видимому, дед посла Улу-Махмета) погиб. О судьбе же другого Бегича Улу-Махмет ничего не знал. И подумал, что Шемяка с ним тоже расправился. На самом же деле всё было наоборот: Шемяка оказал Бегичу «великие почести» и отправил к Улу-Махмету вместе с ним своего дьяка Фёдора Дубенского с досье на Василия II.

Но возникает вопрос: почему Улу-Махмет затеял переговоры именно с Дмитрием Шемякой, а не с кем-то другим из русских князей? И вот тут — самый настоящий детектив.

В 1433 году московский князь Юрий Дмитриевич составил духовную грамоту, завещая Дмитрию Донскому кроме земельных наделов «пояс золот на черпчати ремени». Этот пояс и стал поводом для многолетнего раздора.

Как уже говорилось выше, ярлык на великое княжение достался не сыновьям Юрия Дмитриевича, хотя они на это претендовали, а Василию II. 8 февраля 1433 года в Москве состоялась его свадьба с Марией Ярославной. Среди гостей были Дмитрий Шемяка вместе с братом Василием Косым. И кто-то из бояр «узнал» на нём драгоценный пояс, якобы украденный много лет назад у Дмитрия Донского. Мать жениха принародно сорвала этот пояс с гостя.

Это было неслаханное оскорбление. Князей обвинили в воровстве! Страшно даже подумать! И Юрьевичи, «роззловившись», покинули Москву. А по дороге в Галич «розграбиша» казну ярославских князей, поддерживавших Василия Васильевича.

Вскоре начались и прямые военные действия. 25 апреля 1433 года в сражении у реки Клязьмы в 20 верстах от Москвы дружина Юрия Дмитриевича и его сыновей нанесла поражение войску Василия II, после чего Юрий Дмитриевич вступил в Москву и взойшел на великокняжеский престол. Дмитрий Шемяка и Василий Косой погнались за Василием Васильевичем, который бежал в Тверь, а затем в Кострому. Здесь его и захватили. Но убивать не стали. Просто потребовали, чтобы он принародно покаялся и объявил историю с поясом ошибкой.

Но тут допустили ошибку Василий Косой и Шемяка. Между ними и главным примирителем князей боярином Семеном Морозовым произошла ссора. Морозов был убит. И опять загудела столица. В сложившихся условиях Юрию Дмитриевичу пришлось снова передать власть Василию Васильевичу. Завещание в части наследования Москвы как вотчины его сыновьями было аннулировано.

Но ни Василий Васильевич, ни Василий Косой, ни Дмитрий Шемяка не успокоились. Василий Васильевич направил к Угличу свое войско под командованием князя Юрия Патрикеевича. Это войско потерпело поражение. Но отец Василия и Дмитрия Шемяки отказался возвращаться в Москву в ранге великого князя.

В дальнейшем борьба за московский престол продолжалась с переменным успехом, и Улу-Махмет хорошо это знал. Вот почему он предложил великое княжение Дмитрию Шемяке.

Но Улу-Махмет плохо понимал юридические аспекты передачи великокняжеской власти. Она и без его предложения досталась Дмитрию Шемяке как старшему из рода Калиты. Узнав об этом, Улу-Махмет решил срубить деньги с Василия Васильевича. Он отпустил его с миром, взяв *«обещание заплатить огромный откуп»* (Селезнев Ю. В. Русско-ордынские конфликты XIII – XV веков. Москва, издательство ЦГИ «Принт», 2014)

Но источники противоречат друг другу. По одной версии, фигурируют 25 тысяч рублей, по другой — 200 тысяч. По третьей, Василий Васильевич пообещал выложить столько, «сколько сможет». В одном только все летописцы сходятся: свои обещания пленный подтвердил целованием. То есть поклялся страшной клятвой, нарушение которой каралось смертью.

Василий II отправил в Москву своего посланца, который должен был сообщить Шемяке о том, что он низложен. У села Киселёва гонец встретил дьяка Федора и Беги́ча, которые направлялись в Курмыш. Выяснив, что лучше поспешить к Улу-Махмету, Федор Дубенский и Беги́ч двинулись к Нижнему Новгороду. Но муромский князь Василий Оболенский уже получил соответствующие инструкции от Шемяки. Его приближённые «поймаше» Беги́ча, «отведоша его во град, а после утопиша». О судьбе Федора летописцы ничего не сообщали.

Дмитрий Юрьевич хорошо понимал, что теперь он в доме хозяин. Да и возвращению на княжеский трон Василия Васильевича не очень-то будут рады. В этом случае придется платить выкуп. И он объявил, что Василий II «процеловал» всех и вся, и не место в Москве этому предателю. И, надо сказать, его поддержали. В начале февраля 1446 года Шемяка собирает войско, дабы встретить Василия Васильевича и отряд Улу-Махмета из 500 человек на пути к Москве. Но оказалось, что Василий Васильевич «шел обходом» и затворился в Троицком монастыре. Здесь его схватили и ослепили, после чего он получил прозвище Тёмный (Вернадский Г. В. Монголы и Русь. Тверь, 1997).

И снова разные источники по-разному объясняют, кто отдал этот приказ. Одни называют Дмитрия Шемяку, другие — Василия Косого, третьи — князя Ивана Можайского. Василий II был сослан в Углич. Население присягнуло на верность Шемяке.

Победа Дмитрия Юрьевича над Василием Тёмным вызвала недовольство Улу-Махмета. В апреле 1446 года его воинство совершило набег на Устюг, а вскоре составил заговор с целью освободить Василия Васильевича. Среди его участников были князья Иван, Семён и Дмитрий Рязанские, Иван Васильевич Стрига Оболенский, бояре из рода Морозовых, Семен Филимонов и другие. Опасаясь новой гражданской войны, Шемяка проводит церемонию примирения с Василием Тёмным (там же).

После этого Василий Тёмный отправился в Вологду. И этот город стал центром оппозиции. Василий Тёмный нарушил клятву «жить в мире вечном». Он стал собирать своих сторонников. Вскоре они выступили в Тверь, где соединились с отрядами Улу-Махмета. 17 февраля 1447 года Василий Тёмный вступил в Москву и вновь занял великокняжеский трон. Но его противостояние с Дмитрием Шемякой продолжалось ещё шесть лет — вплоть до убийства Дмитрия Юрьевича, организованного Василием Тёмным. Шемяка был отравлен. Василий Тёмный оказался не таким благородным, как его соперник.

Мусульманин с православным совсем не враги

Ну а что же «мэр ордынской национальности»?

В 1439 году сын Улу-Махмета Мамотяк приступом взял Макарьевский Желтоводский монастырь и увел в Казань вместе с взятыми в плен монахами основателя монастыря — преподобного Макария. И — это многим казалось странным — Улу-Махмет и Макарий подружились.

Макарий родился в Нижнем Новгороде, подростком тайно покинул родительский дом и отправился в Печерский монастырь. Прожив здесь несколько лет, решил основать свой собственный. Пошёл, куда глаза глядят, вяз в болотах, блуждал по лесу. Но, в конце концов, выбрался к реке Лух, где в шалаше стал «жить в безмолвии и молитве».

Но что-то всё равно томило душу. Узнав, что на Ветлуге, обитает такой же отшельник, как он, Макарий отправился к преподобному Варнаве за советом и благословением. И когда два отшельника повстречались, Варнава порекомендовал Макарию поискать другое место для святой обители.

И снова он стал странствовать. Только много лет спустя отыскал местечко под названием Жёлтые Воды на берегу Волги. Именно его приметы назвал преподобный Варнава. В 1435 году здесь был возведён храм во имя Живоначальной Троицы, а потом и монастырь, названный впоследствии именем Макария Желтоводского.

Из уважения к благочестию Макария Улу-Махмет отпустил его, а с ним вместе ещё 400 христиан. Но при этом властелин потребовал от Преподобного не селиться больше вблизи Жёлтого озера. «*Эта земля, — утверждал хан, — принадлежит нам*».

Преподобный выполнил свои обещания. Он убедил сородичей идти по направлению к Галичу. Вскоре в тех краях на реке Унже был основан Троицкий монастырь.

Надо отметить ещё одно совпадение. Преподобный Макарий и Улу-Махмет ушли из жизни практически одновременно. Макарий умер своей смертью, а Улу-Махмет погиб от сабли другого своего сына — Мангутека.

И последнее. «Шемякин суд» — это выражение гуляет по Руси с семнадцатого века. Означает оно суд несправедливый. Но это никак не связано с Дмитрием Шемякой. Так звали героя сатирической повести.

КАК ИСКОРЕНИТЬ БЕСПРЕДЕЛ?

Иван Грозный, в чьих жилах текла кровь византийских императоров и татарских ханов, приложил немало сил к тому, чтобы Московская Русь достигла своего наивысшего развития, но не всегда это получалось. Самодержец стал для народа символом кровавого деспота. Но так ли это было на самом деле? Как оценить деяния царя, который пять раз посетил Нижний Новгород?

Катастрофически мало свидетельств

Личность Ивана Грозного вызывает споры на протяжении уже нескольких веков. Главным образом — потому, что сохранилось очень мало достоверных свидетельств о его жизни. Гораздо больше легенд и преданий.

Ещё с малых лет Грозный стал свидетелем борьбы за власть, вражды бояр. Именно тогда стала появляться в нём подозрительность, враждебность, мстительность. Эти качества с годами приобретали характер мании.

Первый раз Иван Грозный прибыл в Нижний Новгород, когда ему исполнилось 17 лет. Его уже венчали на царство. И сразу же возникла проблема: нужно было покончить с беспределом казанских ханов и военачальников, то и дело совершающих опустошительные набеги на русские земли.

В 1545 году вроде бы установился относительный мир. Набеги прекратились, когда московское войско подошло к Казани. Хан Сафа-Гирей бежал. Его место занял Шах-Али, который был ставленником Москвы. Но вскоре Сафа-Гирей при поддержке крымских татар вернул себе власть. И набеги на Московскую Русь стали повторяться ещё чаще. При этом больше всего страдали нижегородцы. Татары появлялись в окрестностях Нижнего, опустошали его ближайшую округу. Нападениям подверглись селения Ельня, Высоково, Вишенки, Печёрский монастырь; на Бору «слободка запустела от казанской войны, дворы выжгли и людей в полон вывели и высекли» (Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО)).

Страдало не только русское население, но и другие народы Поволжья. И в ответ Иван Грозный во главе многотысячного войска выступил на Казань. В его рядах, кстати, были и мордовские ратники.

Поход начался 20 декабря 1547 года, когда Волгу сковал лёд (в другое время переправиться через неё было довольно сложно). Но основные полки Грозного выступили лишь в январе, а артиллерия — в феврале 1548 года. Сбор армии состоялся на Волге между нынешними населёнными пунктами Каднищей и Нижними Работками. Но, по одним источникам, из-за оттепели тяжёлая осадная артиллерия провалилась под лёд, а согласно другим, учитывая, что скоро наступит весна (она в том году действительно была ранняя), и дороги станут непроходимыми, царь решил вернуться в Нижний Новгород, где его накануне встречали с большими почестями. **Только в начале марта 1548 года он соизволил осчастливить столицу своим присутствием.**

В Нижнем Новгороде Ивану Грозному понравилось. Здесь завершилась реконструкция нижегородской крепости, был возведён каменный кремль. Царь был поражён дешёвой продукцией. С удовольствием ел стерлядь уху.

Другая половина армии под руководством Шах-Али и князей В. Воротынского и Б. Горбatego-Шуйского дошла до Казани к началу февраля и около недели не пропускала никого из приезжих в город. Татары, не ввязываясь в бой, **отступили за крепостные ворота, и штурм не состоялся.**

У историков нет единодушного мнения, почему это случилось. Всё вроде бы благоприятствовало русичам. Пушки все-таки имелись. Крымский хан Челбек и сын Сафа-Гирея были убиты во время артиллерийского обстрела. Возможно, вмешалась погода. Потеплело, надо было возвращаться в Москву до начала распутицы...

Однако этот поход нельзя назвать безрезультатным. Неподалеку от Казани, при впадении реки Свияги в Волгу, было решено возвести крепость. Её стали строить тайком. Эта крепость станет плацдармом для покорения столицы Казанского ханства.

Взятие Казани

В те годы в Русском государстве происходили большие перемены, причём немалая роль в проведении реформ принадлежала Ивану Грозному. Создавались элитарные войска, к военной службе в них привлекались дворяне из провинции, совершенствовались артиллерия и инженерно-фортификационное дело. А самое главное – царь задумался о причинах неудач русской армии и сделал соответствующие выводы. Во-первых, была отвергнута идея о проведении военных походов зимой, что было правильным решением. Во-вторых, была создана специальная комиссия по разработке плана предстоящей операции – Казанское ханство представляло угрозу для самого существования Руси. Нужно было освободить и многочисленных пленников.

Очередной казанский поход начался в апреле 1551 года. Начался он со сплава леса, который стали использовать для строительства крепости на Свияге. Туда же были переправлены и готовые срубы, заготовленные в Угличе и Балахне. И крепость была готова в считанные дни.

Для того, чтобы перекрыть все водные пути и полностью блокировать Казань, было сформировано четыре отряда, направленные на Вятку, Каму, Свиягу и малые реки. Иван Грозный не жалел денег на подкуп чувашей и марийцев, его эмиссары убеждали их в необходимости принять русское подданство. За это их обещали на три года освободить от податей, дарили шубы и даже лошадей. Такая тактика принесла успех.

Хозяйственная жизнь, и прежде всего торговля, в Казанском ханстве практически были полностью парализованы. Казань лишилась продуктов питания.

Первыми взбунтовались крымские татары. В конце июня они покинули Казань, но попали в засаду. Все они были убиты. Сдавшихся в плен утопили, а 46 главных военачальников доставили в Москву и там казнили. Татарам объявили, что Казанское царство делится на две части: правобережную и левобережную, причём первая из них отходит к Москве. Казанцы, опасаясь, что Иван Грозный истребит всех татар, выдали ему малолетнего хана Утямышу и царицу Сююн-Бике.

Но многие казанцы остались недовольными разделом страны. Это были князья и мурзы во главе с Нур-Али и даже марионеточный правитель Шах-Али. Зрело вооружённое выступление. Иван Грозный понимал, что полного повиновения он не дожждётся. И решил добиться его с помощью силы.

На этот раз он отправил артиллерию на судах, а сам с конницей и пехотой двинулся в обход Нижнего Новгорода через Муром. Сделано это было по поручению тогдашней жены Ивана Грозного Анастасии Захариной-Юрьевой. В Муроме останавливались, чтобы отслужить молебен по Петру и Февронии, которых царь всегда считал своими родственниками. Он дал обет поставить над их мощами каменный собор. А потом войско, состоявшее из стрельцов, копейщиков, пушкарей, гранатчиков и прочих служилых людей, двинулось дальше. Впереди шли отряды князей Юрий Шемякина и Фёдора Троекурова, *«дабы на речках и ржавницах (ручьях, — С.С.-П.) мосты мостить»* (ЦАНО).

Армия царя была раза в полтора больше рати Дмитрия Донского во время сражения на Куликовом поле, то есть примерно 150 тысяч человек. Двигалась она несколькими колоннами, каждая из которых занимала в длину 6—7 верст. Согласно легенде река Пьяна мелела, когда коней выводили на водопой — их было более 30 тысяч (там же).

Войско шло по старой казанской дороге. 20 июля 1552 года полки остановились на ночевку на реке Велетьме, на другой день ночевали на Шилекше, третья стоянка была под Саканьским городищем. Маршрут Грозного пролегал мимо сёл Неледино, Ветошкино, Гагино,

Субботино, Паново-Осаново, деревень Сумароково и Ханинеевка. Сам Иван Грозный один раз ночевал в деревне Ломакино недалеко от Покрова. Много лет спустя в той самой дереве родился генерал Власов. Молва связывала это с тем, что, согрешил здесь царь, дескать, от него и пошло такое потомство. Разумеется, это – выдумка чистой воды.

В татарской деревне Пора царь взял в проводники и переводчики мурзу Бахметку. Он при штурме Казани первым взберётся на городскую стену и *«возьмёт в полон царицу Узбеку»* (ЦАНО). Царь расцеловал и крестил мурзу, сделал его дворянином и при крещении нарёк Юрием Ивановичем Бахметьевым, одарил его земельным наделом. В «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона» мурза назван Аслан-Бахметом. Здесь говорится о том, что он *«принял крещение с именем Иеремии и стал родоначальником Бахметевых... Потомки его служили в воеводах, в стряпчих, стольниками»* (Нижегородский край в словаре Брокгауза и Ефрона. Нижний Новгород, издательство «Нижегородская ярмарка», 2000).

В Казани погода испортилась. Лили дожди, а в сентябре разыгралась страшная буря. Легенды связывали это с заклинаниями мусульманских колдунов, и в это верили, потому что шторм разбил в щепки все суда с провизией. Теперь голод царил уже в стане нападавших.

Иван Грозный был вне себя от гнева и послал в Москву за чудотворным крестом с вделанной в него частичкой Креста Господня. Доставили его очень быстро: от Москвы до Нижнего Новгорода – на подводках, а потом – водным путём на вятских лодках. И после крестного хода, как решили ратники, чары колдунов сошли на нет. Пушки наконец-то вытащили из непролазной грязи, но палить из них не спешили. Грозный сделал вид, что снимает осаду. А тем временем под крепостные стены подкладывали пороховые заряды...

Прогремела дюжина взрывов, слившись в один. Адское пламя поднялось до небес. Едва ли не весь город рухнул к ногам русского войска. Шесть тысяч татар бросились в речку Казанку, пытаясь преодолеть её вплавь. Все они были убиты.

Грозный был доволен. Он дарил отличившимся воинам бархатные шубы на собольем меху, золотые ковши и кубки, драгоценные камни. Богатые трофеи достались победителям. Казанское ханство было ликвидировано.

Любопытно, что состав штурмовавших Казань был весьма пёстрый. Русские составляли лишь 50,3 процента всего войска, касимовские татары – 40 процентов; воевали с казанцами также татары астраханские, нижегородские и казанские, ногайцы, чуваша, марийцы, вотяки и мордва. Отрядом последних вроде бы командовал мурза Дивей.

Но в древних источниках много путаницы. Мне удалось выяснить, что Дивей — личность реальная. Он был татарин и воевал в составе касимовской конницы под началом Як-Сеит-Черевсеева. За участие в третьем походе на Казань мурзе был пожалован княжеский титул и земли в Кадомском уезде по речке Вичкинзе, о чём свидетельствует царская грамота 1559 года (ЦАНО). Здесь селилась мордва, и земли эти стали называться Дивеевскими, а их поселение — Дивеевым.

Архивные документы рассказывают и о тех, кто оборонял Казань. Всего защитников города было 33 тысячи, то есть превосходство Ивана Грозного было пятикратным. Местных татар насчитывалось лишь 30—35 процентов, остальные, за исключением крымских татар и турков, представляли всё тот же набор: русские, астраханские татары, ногайцы, марийцы и вотяки. Соплеменники воевали с соплеменниками.

Казань подверглась чудовищному разгрому. По данным татарских историков, всё мужское население было уничтожено. Тела убитых для устрашения ещё непокорённого населения Поволжья привязывали к бревнам и спускали вниз по Волге.

19 октября 1552 года нижегородцы, чей город утратил роль пограничной крепости, торжественно встречали Ивана Грозного. В Москву он уехал через Балахну и Владимир. Он спешил: у царя родился сын Дмитрий. Как и его сёстры Анна и Мария, рождённые от первой жены Грозного Анастасии Романовны Захарьиной-Южиной, Дмитрий умер ещё младенцем (не надо

путать его с царевичем Дмитрием, рожденным от Марии Нагой тридцать лет спустя – тот погиб в Угличе).

Легенды и реальность

Там, где в Пьяну впадает её приток Ежать, войско Ивана Грозного встретилось с касимовской конницей. На этом месте возникло село Юрьево Гагинского района. Но самое интересное, что на всём пути следования царя и его войска таких населённых пунктов, которые живут и здравствуют по сей день, образовалось много. Это — Воротынец, Арзамас, Горбатов, Княгинино, Ардатов, Большое Мурашкино, Дивеево, Ивановское, Шатки, Сыресово, Большое Череватово, Выползово... Потом здесь появлялись православные храмы, монастыри. Первым зданием Арзамаса была заложенная Иваном Грозным деревянная церковь Воскресения Христова.

Село Сеченово основано в 1552 году Иваном Грозным. Согласно преданию, погода тогда была хуже некуда: лил дождь, ветер валил деревья. И вдруг ветер улёгся, выглянуло солнце. Царь окрестил эту уютность Тёплым Станом. Так село и называлось долгое время.

В начале 1840-х годов у П. И. Мельникова-Печерского возник замысел описать местности Нижегородской губернии, через которые пролегал путь Ивана Грозного на Казань. Исследователь выявил реальных людей, которые стали героями легенд. Это проводники Торш, Ардатка, Келейка, Кужендей, сын Пурса, его старший брат Ерзи. Все они — мордвины. Мордвинами были также Вачайка из села Тоторшево и его дочь Саманька, которая помогла взорвать крепостные стены Казани. Всех их Иван Грозный одарил земельными наделами.

А вот легенда, рассказанная жителями деревни Сосновка: *«Царь, чтобы всё видели, какое у него войско мощное, повелел возле нашей деревни, которая вблизи села Анненково, каждому своему воину насыпать по шелому земли. Вот они выполнили приказ, и у деревни вырос большой курган. А как царь назад шёл, остановился снова в этих местах, вспомнил-припомнил погибших ратников своих и велел, чтобы сравнить свое оставшееся войско с прежним, рядом с первым насыпать второй курган. Маленьким он получился, потому что много пало воинов в той тяжелой борьбе»* (Нижегородские предания и легенды». Горький, Волго-Вятское книжное издательство, 1971).

Весьма поэтично предание о мордовской девушке, предупредившей Ивана Грозного о готовящемся против него заговоре. Его записал В.Н.Морохин в селе Девичьи горы Большеболдинского района: *«В ту пору, когда царь вёл свое войско против татар, жители этого села ополчились на царя. Они устроили заговор и решили убить его. Но одна девушка узнала про замысел односельчан, села на коня и поскакала к царю. А царь уже недалеко от их села находился. Она рассказала царю про злые козни. Иван Грозный выслушал девушку, поблагодарил её и наградил подарками. Жители села узнали, что девушка предала их и убили её. Царь велел похоронить несчастную с великими почестями, как славного воина, ведь девушка спасла ему жизнь. А после похорон приказал насыпать на могиле высокий холм. И с того давнего времени селенье стало именоваться Девичьими Горами»* (там же).

Подводя итог, следует признать, что из легенд мы мало узнаём о человеческих качествах Ивана Грозного. Как, впрочем, и о его деяниях. И оценки самодержца весьма противоречивы: от восторженных до крайне негативных. Наверное, прав Василий Ключевский. Он писал: *«Положительное значение царя Ивана в истории нашего государства далеко не так велико, как можно было думать, судя по его замыслам и начинаниям, по шуму, который производила его деятельность. Грозный царь больше задумывал, чем сделал... Жизнь Московского государства и без Ивана устроилась бы так же, как она строилась до него и после него, но без него это устройство пошло бы легче и ровнее, чем оно было при нём»* (Ключевский В. О. Характеристика царя Ивана Грозного. Исторические портреты. Москва, издательство «Правда», 1991).

Больная тема

Надо сказать, что тема завоевания Казани Иваном Грозным — тема, которой стараются не касаться. Тут затронута национальная гордость, сразу же поднимается вопрос о геноциде татарского народа. Но если признать, что такой геноцид проводился, следует признать, что был и геноцид наоборот — геноцид русских. И он продолжался на протяжении столетий.

Татарские историки утверждают: Батый и его соплеменники, завоевавшие Русь и истреблявшие её население, имеют мало общего с татарами. Но ведь и предки современных татар тоже творили беспредел, от этого никуда не деться.

Два народа давно уже живут в мире и согласии. Но нет-нет, и вспоминаются давние распри. Храм-памятник русским воинам, погибшим при штурме Казани в 1552 году, нередко подвергается осквернению.

Храм этот находится на острове. Во время весеннего паводка вода постоянно проникает в склеп. И вандалы тоже не перевелись. Особенно часто храм-памятник подвергался осквернению в 90-е годы прошлого века.

В 1999 году на курултае так называемого «Всетатарского общественного центра» было выдвинуто требование о сносе храма. Вскоре неизвестные злоумышленники повредили крышу, разрушили внутренние колонны, взломали железную дверь. В 2007 году храм-памятник вновь осквернили. Были похищены иконы и церковная утварь. Ещё через шесть лет здесь нашли самодельное взрывное устройство.

Сколько это будет продолжаться, не знает никто. Наверное, было бы справедливо установить памятник татарам, погибшим при завоевании Казани.

2.ВРЕМЕНА САМОЗВАНЦЕВ

БЫЛА ТА СМУТНАЯ ПОРА...

В летописях о Смутной поре сведений – с гулькин нос. Видимо, было не до того. Извержение вулкана Уайнапутина в Перу 19 февраля 1600 года вызвало, как сейчас говорят, ядерную зиму. Это была самая страшная катастрофа в истории Южной Америки. Она унесла жизни десятки тысяч человек и вызвала неурожай и в Америке, и в Африке, и в Европе на протяжении трех лет подряд.

1601 год был самым холодным за шесть предшествовавших столетий.

Последний из Рюриковичей

Смута началась после смерти Ивана Грозного. Он умер в 1584 году, и трон достался слабоумному и болезненному сыну тирана Фёдору Иоанновичу. Грозный видел своего преемника не в нём, а в старшем сыне Иване, но тот скончался на три года раньше отца. Хрестоматийную версию, что он был убит отцом в порыве гнева, современные историки отвергают. Так, академик Дмитрий Сергеевич Лихачев утверждал, например, что царевич умер после болезни, которая продолжалась 11 дней. Но, похоже, его отравили. Когда в 1963 году вскрыли гробницу Ивана Иоанновича, оказалось, что его останки содержат ртуть, которая в 32 раза превышала допустимый уровень. В несколько раз больше было также мышьяка и свинца.

Последний из династии Рюриковичей, Фёдор Иоаннович, родился 11 мая 1557 года. Он был женат на сестре Бориса Годунова, Ирине, и в государственных делах не участвовал. Власть в стране принадлежала его шурину. Правда, надо заметить, что прибрал он её к рукам не сразу. Пришлось побороться, а конкурентов-бояр сжить со света.

После смерти Фёдора Иоанновича, а прожил он 40 лет, царем в 1558 году был избран, наконец, Борис Годунов. Мечты его сбылись. Вдова умершего государя, который таковым не являлся, Ирина Фёдоровна Годунова, правила всего восемь дней. На девятый день она постриглась в монахини.

Голод

Личность Бориса Годунова тоже до сих пор вызывает много споров. Версия о том, что по его приказу был убит малолетний царевич Димитрий, не подтверждается. Кто знает, как бы сложилась обстановка в России, если бы не голод. Дожди лили в 1601 году всю весну, и всё лето. Монах Авраамий Палицын писал, что они довели народ до такого состояния, что *«все человецы в ужас впадоша»*, а 15 августа *«ударил мраз великий»*. Следующей весной хлеба вообще не взошли. Голод косил людей целыми селениями. Дело дошло до того, что они грызли дверные косяки, *«ядоша всякую листву, траву и мертвечину, и пси, и кошек»* (ЦАНО).

Хлеб подорожал примерно в сто раз, деньги обесценились. Начались стихийные бунты. Самым крупным из них было восстание Хлопка. Против него было послано войско во главе с воеводой Иваном Басмановым, сыном знаменитого опричника Фёдора Басманова. Воевода погиб, но Хлопка взяли в плен и казнили.

Голод продолжался, хотя, как утверждал голландский посланец Исаак Масса, он поддерживался искусственно. *«Во всех монастырях и у многих богатых людей амбары были полны хлеба, часть его уже погнила от долголетнего лежания, и они не хотели продавать его»*, — писал он (Ключевский В. О. Сказания иностранцев о Московском государстве. Москва, издательство «Прометей», 1991).

Первый самозванец

Вот тут-то и активизировались враги России, прежде всего поляки. Откуда ни возьмись, нарисовался Григорий Отрепьев, выдававший себя за убиенного царевича Димитрия. Он впервые заявил о себе в октябре 1604 года, хотя молва о том, что царевич Димитрий чудесно спасся, ходила и раньше. Лжедмитрий с небольшим войском двинулся к Москве, но был разбит Василием Шуйским и отступил в Путивль. Впрочем, казалось, что сама Судьба на его стороне. В апреле 1605 года царь Борис Годунов умер. В правительственных войсках произошёл раскол. Многие ушли под знамена Лжедмитрия. Сын Бориса Годунова, Фёдор, правил всего семь недель. Его, как и мать (она была дочерью Малюты Скуратова), Марию, задушили незадолго до торжественного вступления самозванца в Москву.

Фёдору Годунову было всего 16 лет. Как писал шведский дипломат Пер Эрлесунд, четверо убийц во главе с подьячим Иваном Богдановым долго не могли справиться с крепким и сильным юношей.

Народу сообщили, что царь и его мать отравились. Никто, конечно же, этому не поверил. Но никто и не возмущался — так велика была ненависть к Борису Годунову (там же).

Но и Лжедмитрий продержался на троне меньше года. Он был убит во время восстания в Москве, и власть перешла к Василию Шуйскому. Но тут началось восстание Ивана Болотникова, объявился новый самозванец — Лжедмитрий II, и Русь снова была ввергнута в пучину хаоса. Занялись грабежами вторгшаяся в пределы страны ногайская орда, крымские татары.

ТАЙНЫ КНЯЗЯ ПОЖАРСКОГО

В епанче из алого атласа с золотым позументом, в шапке на собольем меху — исключительной принадлежности князей и бояр, — в сафьяновых сапогах с серебряными шпорами въехал на кауrom жеребце в Нижний Новгород князь Дмитрий Пожарский. Это было 28 октября 1611 года, после того, как он согласился возглавить народное ополчение, чтобы избавить Русскую землю от поляков.

Был он бледен и худ, поскольку еще не совсем оправился от ран, полученных в конце марта того же года, когда произошла жестокая сеча первого ополчения с иноземцами. Пожарский сильно хромал: после перелома ноги кости срослись неправильно.

Но о жизни князя мы знаем крайне мало. Она таит немало загадок.

Где была родовая вотчина?

Первая тайна князя — время и место его рождения. Тут мнения историков расходятся. Одни считают, что Пожарский появился на свет 29 апреля 1578 года, но называют и другие даты, хотя, впрочем, они не слишком разнятся между собой. В любом случае Дмитрий Михайлович прибыл в Нижний в возрасте 33 лет. И это весьма символично: Иисусу Христу, когда он принял смерть, чтобы искупить вину человечества, тоже было 33 года. Князь не знал, что его ждет, может быть, и скорая гибель.

Сложнее с его родовой вотчиной. Павел Иванович Мельников-Печерский докладывал на заседании Нижегородского губернского статистического комитета, что она находится в Горбатовском уезде, в местечке Пожар или Жары. В путеводителе по Москве говорится, что Пожарский родился в селе Медведково (теперь это 2-я Медведковская улица столицы). В Писцовых книгах за 1630 год значится, что она в Суздальском уезде то ли в селе Волосынино, то ли в Мугреево. В подмосковном Воскресенске уверены, что родиной князя следует считать село Марчуги, которое стало частью этого города. Короче, полной ясности нет.

Стряпчий с платьем

Ещё одна тайна — кто являлся матерью Пожарского. Называется, в частности, Ефросинья Беклемищева, потомком которой, кстати, был Александр Пушкин. Другие источники упоминают княгиню Марию Федоровну.

Отец князя умер рано. Он похоронен, как и дед, в Суздальском Спасо-Евфимовском монастыре. Там же находятся могилы сестры Дмитрия Михайловича, его двоюродного брата и сыновей: Ивана, Петра и Федора. Про Ивана известно, что он был окольничьим при царе Алексее.

В 1593 году, в возрасте 15 лет, Пожарский поступил на службу. Он носил звание стряпчего с платьем. То есть был, выражаясь современным языком, гардеробщиком. Делал заказы портным, подавал одежду государю, принимал подарки. Но должность эта была, конечно же, второстепенной и далека от политики.

Надо сказать, что с таким положением дел Пожарский не хотел мириться. В 1598 году в числе других дворян подписал прошение об избрании в цари Бориса Годунова. Но крупно просчитался. Вскоре Годунов подверг Пожарского опале и уволил. Между прочим, такая же опала выпала при Иване Грозном на долю его деда. Он был сослан в Нижний Новгород. Мать жила здесь до воцарения на престол Михаила Романова. Но какая из двух претенденток на эту роль, история умалчивает.

Князь служил и самозванцу

Российские историки не упоминают о том, чем занимался Дмитрий Михайлович при Лжедмитрии. Молчат, как в рот воды набрали. И на то есть причины. Мне удалось выяснить:

он был стольником. То есть служил самозванцу, но это не вписывается в героическую биографию князя. А между прочим, приводился сей факт со ссылкой на архивные источники в книге «Место земного успокоения и надгробный памятник Д.М.Пожарскому в Суздале», изданной в 1885 году во Владимире. К сожалению, самих источников мне разыскать не удалось. Похоже, они уничтожены. Но зато не скрывается, что князь присутствовал при убийстве Лжедмитрия и горячо его одобрил. Нравы, конечно, были еще те. Затем, имея чин дворецкого, участвовал в избрании на трон боярина Василия Шуйского. И снова — прокол. Шуйского «сняли с работы без выходного пособия» и постригли в монахи. И как-то не вяжется такая непоследовательность и готовность присягнуть любому самодержцу с привычным портретом освободителя. Сразу вспоминаешь движение флюгера, зависящего от направления ветра.

При Шуйском Дмитрий Михайлович был назначен воеводой и разгромил польско-литовский отряд под Коломной. В том же, 1608 году, у притока реки Москвы, Пехарки, нанёс поражение отряду атамана Салькова, а в следующем году, будучи воеводой в Зарайске, отразил нападение крупных сил поляков и город не сдал. Так что воевать он умел, этого не отнимешь.

Он долго медлил

О подвигах Пожарского во время первого и второго ополчения написано много. Повторяться не стоит. Приведу лишь те факты, которые не согласуются с официальной версией о деятельности князя. Делаю это не для того, чтобы его опорочить, а просто, чтобы портрет Дмитрия Михайловича был обрисован не однобоко.

Возглавить второе ополчение Пожарский согласился ещё и по личным мотивам. 17 августа 1611 года его крепко обидел сосед по вотчине Григорий Орлов. Он написал письмо польскому королю Сигизмунду, обвинив князя в измене, и был награжден за свой донос поместьем Пожарского — селом Нижний Ландех. Пришлось Дмитрию Михайловичу срочно перебраться в другое свое владение — село Мугреево.

Став во главе ополчения, Пожарский, по сути дела, обладал всей верховной властью над Русской землей. Но, по свидетельству современников, *«в том великом деле, которое совершал под его начальством русский народ, личность самого Пожарского проявлялась весьма мало. Он не пользовался особым авторитетом и сам про себя говорил: «Был бы у нас такой столп, как князь Василий Васильевич Голицын, – все бы его держались, а меня к этому делу приневолмили бояре и вся земля»* (Нижегородский край в словаре Брокгауза и Ефрона. Нижний Новгород, издательство «Нижегородская ярмарка», 2000).

Не хватало ему и полководческого опыта. Остановившись с ополчением в Ярославле, Пожарский целое лето не торопился двинуться на Москву, несмотря на то, что существовала опасность появления войск польского короля Сигизмунда. Выступив из Ярославля, князь снова непростительно медлил, сворачивал с дороги, чтобы поклониться родительским гробам в Суздале, а в результате гетман Ходкевич едва не успел доставить в Москву провиант для польского гарнизона. Этот провиант отбили у Ходкевича казаки под командованием князя Трубецкого, что и решило участь оборонявшихся.

После взятия Москвы Пожарский занимал лишь второстепенные должности. Он получил в награду несколько поместий на территории современной Нижегородской области. Спустя 8 лет царь вернул ему и Нижний Ландех. Но особого расположения со стороны Михаила Романа Пожарский не испытывал. Особенно после того, как в 1613 году князь вступил в конфликт с только что получившим чин боярина Борисом Салтыковым, особы, приближенной к царю. За это он был *«выдан обиженному головой»* (там же). Этот унижительный обряд заключался в том, что обидчик несколько часов подряд простоял без шапки на дворе Салтыкова.

Перед лицом вечности

После 1613 года Пожарский участвовал в переговорах о заключении Столбового мира со Швецией, руководил Ямским, Разбойным и Судным приказами, служил воеводой в Новго-

роде, Можайске, Пафнутьеве, воевал с поляками. Но он все чаще стал болеть, здоровье не позволяло ему участвовать в длительных походах.

На склоне лет Дмитрий Михайлович занялся строительством богоугодных заведений. Основал два монастыря, на его деньги были возведены церкви в Юрине, Мугрееве, Кинешме и подмосковном селе Медведково, храм-памятник нижегородскому ополчению в Москве. Кроме того, князь жертвовал деньги. Когда свирепствовала моровая язва — чума, — привёз из Соловков Чудотворный Животворящий крест Господень, изготовленный из гранатового дерева. Этой святыне поклонялись в Пурехе около трехсот лет. Сейчас она находится в Свято-Троицкой церкви Нижнего Новгорода.

Весьма примечателен и такой факт. Когда поляки, осажденные в Москве, сдались, поначалу решено было их истребить. Но Пожарский убедил ополченцев этого не делать. Он расселил пленных на своих пустующих землях вдоль дороги Нижний Новгород-Ярославль, и они приносили князю дополнительную прибыль. Не так-то он был прост, денежки считать умел.

Сегодня потомки поляков живут в Пурехе, деревне Беляниха, в селе Пестяки и в других населенных пунктах.

Раздвоение камня

Не все ясно и с местом захоронения освободителя Первопрестольной. Считается, что он погребен в родовой усыпальнице в Суздальском Спасо-Евфимьевском монастыре. Однако есть свидетельства, которые опровергают официальную версию. В 1886 году, например, пастух из деревни Старцево нашел появившийся неведомо откуда надгробный камень с могилы Пожарского. *«Теперь все уверены, что князь похоронен в Юрино, —* говорилось в протоколе заседания нижегородского губернского статистического комитета. Оно датировано тем же, 1886 годом. *— Надгробье же его заброшено либо в Княжский пруд, либо в самый глубокий омут большого озера при Лебедевском заводе, верстах в 15 (скорее всего, имелось в виду озеро Пырское, — С.С.-П.), либо в болото»* (Александр Гациский. Нижегородский летописец. Нижний Новгород, издательство «Нижегородская ярмарка», 2001).

Обошлись с ним так жестоко по той причине, что люди боялись, что это проделки дьявола. Надгробный камень, найденный безымянным пастухом, был совершенно идентичен надгробью князя в часовне Спасо-Евфимьевском монастыря.

ХОДИЛИ МЫ ПОХОДАМИ...

Лжедмитрий II («Тушинский вор») выдавал себя за чудесно спасшегося Лжедмитрия I. Ему присягнули на верность Ярославль, Переяславль-Залесский, Владимир, Углич, Кострома, Галич, Вологда. Москве подчинялись Нижний Новгород, Коломна, Смоленск, уральские и сибирские города.

Силы были примерно равны

Баланс сил нарушился после того, как Балахна и Арзамас объявили о том, что переходят в лагерь Тушинского вора. И началась междоусобица.

Боевые действия на подступах к Нижнему развернулись в декабре 1608 года. Разведка тушинцев донесла, что там находятся амбары с зерном, и войско Лжедмитрия II в первую очередь пыталось овладеть ими. Но отряд Михаила Ордынцева склады отстоял. Войска самозванца под началом атамана Тимофея Таскаева город взять не смогли. Нижегородские воеводы князь Александр Репнин, ранее проявивший себя в сражениях с крымскими татарами, и Андрей Алябьев, возглавивший потом первое нижегородское ополчение, отразили несколько попыток штурма города. Алябьев двинулся дальше, к Балахне, и освободил этот город от власти самозванца.

Князя Репнины

В 1577 году князь Александр Репнин был стольником при дворе Ивана Грозного. После смерти царя служил воеводой в Калуге, в [Переяславле-Рязанском](#), отражал нападение крымских татар под Серпуховым.

При Борисе Годунове семейство Романовых во главе с Фёдором Никитичем, будущим Московским патриархом, подверглось опале как потенциальные конкуренты в борьбе за власть. Репнин, который водил дружбу с Романовыми, не избежал их участи. Он был обвинён в присвоении казённых денег и сослан в Уфу. Вернул его на государеву службу царь Василий Шуйский, назначив воеводой в Нижний Новгород.

Считается, что именно Александру Андреевичу принадлежит идея рассылать грамоты с призывами очищать Московское государство от засилья иностранцев. И призывы эти были услышаны. В 1611 года Репнин в составе первого народного выступил с нижегородскими ратными людьми в направлении Москвы. Соединившись с отрядами [Просовецкого](#), Измайлова, Ляпунова, Пожарского и Масальского, это войско в марте подошло к Москве, где вспыхнуло народное восстание. Но оно было жестоко подавлено, а среди участников ополчения начался разлад. Князь Дмитрий Пожарский получил тяжелые ранения, а Иван Заруцкий, князь Дмитрий Трубецкой и Прокопий Ляпунов никак не могли определиться, кто из них возглавит войско. Ляпунов был убит, и после этого половина ополченцев разошлась по домам.

Во втором ополчении Александру Репнину участвовать было не суждено. Он скончался в январе 1612 года. Его старший сын, Пётр, отличился при защите Москвы от поляков в 1618 году. Царь Михаил Фёдорович возвёл его в чин стольника, а затем пожаловал и боярское звание, назначив главой Сысского приказа.

Его брат, Борис, тоже был стольником, судьёй, воеводой в Астрахани, Севске, Белгороде, Смоленске и Яблонове, возглавлял посольство в Польше.

Алябьевы

Предки Андрея Алябьева, скорее всего, были выходцами из Польши. Отцом его историки считают Семёна Алябьева, который служил в Астрахани. Он был убит в 1568 году — оказался замешанным в каком-то заговоре. Старший брат, Дмитрий, назначался воеводой в Дорогобуж, жил в Нижнем Новгороде, а в Новгороде Великом, будучи дьяком, поддерживал близкие отношения с Василием Шуйским.

Когда родился Андрей Алябьев, точно неизвестно. Впервые упоминается он в документах в 1588 году, как «*выборный дворянин Дорогобужа*». В 1595 году Борис Годунов посылает его «*в посольство к императору Священной Римской империи Рудольфу II*» (ЦАНО). Миссия, надо сказать, была чисто разведывательная. До Годунова дошли слухи о том, что Рудольф — самый настоящий чернокнижник, что ему якобы удалось найти философский камень, который согласно легендам дарует власть, богатство и бессмертие. Годунов тогда еще не пользовался таким влиянием, как потом, и вёл борьбу за трон с другими боярами. Вот и хотел с помощью Алябьева узнать секреты чернокнижника.

То, что германский император действительно занимался оккультизмом, подтверждают документы того времени. В Прагу, где была его резиденция, он пригласил из Англии алхимиков и астрологов Джона Ди и Эдварда Келли, астронома Тихо Браге, но, судя по всему, тайну бессмертия разгадать ему не удалось, так как умер, не дожив до своего 60-летия.

Никаких тайн Алябьев не выведал, и Годунов был разочарован. Он назначает Андрея Семёновича дьяком в Галич, где Алябьев ведал финансами. На этой должности он оставался вплоть до 1604 года. Есть свидетельства, что воевода присутствовал вместе с Дмитрием Пожарским на свадьбе Лжедмитрия I с Мариной Мнишек.

В боях с Тушинским вором раскрылся полководческий талант Андрея Алябьева. Войско под его началом громило отряды самозванца у Ворсмы и Павлово, штурмом взяло Арзамас,

а затем Муром и Касимов. Только за два первых месяца 1609 года царь Василий Шуйский прислал в Нижний Новгород семь грамот, в которых благодарил за храбрость и мужество и Алябьева, и Репнина.

После избрания царём Михаила Федоровича Романова окружение Василия Шуйского было переведено на менее престижные должности. В марте 1615 года Алябьев исполняет обязанности судьи в Московском судном приказе, а в 1619 году назначается воеводой в Вологду.

Умер Андрей Семёнович, вероятно, в 1620 году. В Писцовой книге по Нижнему Новгороду за 1622 год упоминаются сыновья Андрея Алябьева — Григорий и Фёдор, а также его вдова Мария. Григорий был воеводой в Болхове, Путивле, Вязьме и Пелыме, послом в Голландии. Женой его стала Василиса Доможирова из Нижегородского уезда, где брат Григория, Фёдор, имел большие наделы земли. В его вотчину входили деревни Чушкино, Малое и Большое Белозерово, Малое Внуково, Старая Грива и Семенцово.

Фёдор входил в свиту царя Михаила Фёдоровича, был стряпчим с платьем, присутствовал на его свадьбах с Марией Долгорукой, которая заболела и умерла через полгода, и с Евдокией Стрешневой. В 30-х годах XVII века Фёдор Алябьев был воеводой в Галиче, Уфе и Ельце, а затем заведовал приказом каменных дел. Искал золото на Урале, но не нашёл.

Казнь изменников

В начале декабря 1608 года неподалеку от Нижнего Новгорода объявилось мордовское войско под командованием Варгодина Качинкова. Объединившись с Андреем Суровецким, Низовцевым, Подбельским и другими изменниками, перешедшими на сторону Тушинского вора, оно напало, откуда не ждали, — из района современных Щербинок.

Алябьеву, который находился в освобождённой Балахне, пришлось вернуться. 10 декабря 1608 года тушинцы и мордовское войско были разбиты. Однако это была не полная победа. На следующий день отряды балахнинцев и примкнувших к ним суздальцев снова осадили Нижний Новгород. Это уже было серьёзно. Если бы не пробившийся на подмогу из Казани боярин Фёдор Шереметев, ситуация могла быть плачевной. Между прочим, в отряде Шереметева были и нижегородские дворяне, и московские стрельцы, и астраханские казаки, и чуваша, и башкиры.

Наиболее серьёзные столкновения произошли в 1609 году. 17 января нижегородское войско Алябьева разгромило у села Богородское отряд тушинцев во главе с князьями Семёном Вяземским и Тимофеем Лазаревым. *«И воров побили, и языки многие поймали»*, — докладывал Василию Шуйскому Андрей Алябьев (ЦАНО).

Пленных действительно было много. Практически все главари разбойничьих шайк сдались на милость победителей. Но никому не было пощады. Тимофей Лазарев, Семён Вяземский, казачий атаман Тимофей Таскаев, боярский сын Иван Гриденьков (Рединков), суздальцы Елизар Редриков, Лука Синий (возможно, Синёв), Семён Долгий (Долгов), балахнинский воевода Степан Голенищев и другие их сподвижники были казнены как изменники на Базарной площади даже без согласия на то Москвы. В то время на смертную казнь моратория не было.

Лазарева и Вяземского обезглавили на Лобном месте у храма Иоанна Предтечи. Тела их сбросили в прорубь.

Жестокость, да, жестокость

Не буду ничего говорить о жестокости нравов тех лет. Время было такое. В феврале 1609 года у села Кадницы Алябьев разбил тушинцев, захватив их воеводу Ивана Кологривова и казачьего атамана Ивана Телякова. Никаких сведений о их судьбе я не нашёл, скорее всего, их постигла судьба Семёна Вяземского и Тимофея Лазарева.

Летом или осенью 1609 года князь Алексей Михайлович Львов был направлен с войском на помощь Андрею Алябьеву, осадившему Арзамас. По дороге Львов, ставший в 1610 году вое-

водой в Нижнем Новгороде, нанёс поражение *«воровским казаками и черемисе»* у села Ельня. Арзамас был взят штурмом только в июне 1610 года. Командира одного из тушинских отрядов Якова Соловцова принародно повесили. Другой отряд самозванца был разбит в селе Помры.

Были ли оправданы эти казни? Как расценить убийство 11 декабря 1610 года Лжедмитрия II татарским князем Петром Урусовым, мстившим за смерть касимовского царя [Ураз-Мухаммеда](#)? Как зло или благо? Или как историческую закономерность? Ведь именно после этого начинается формирование сначала первого, а в 1612 году — второго нижегородского ополчений, благодаря которым со Смутой было покончено.

ДВОЙНИКИ ДВОЙНИКОВ

Из самозванцев больше других известны оба Лжедмитрия и Емельян Пугачёв. Особенно последний. Личность весьма неординарная и противоречивая — о предводителе бунтовщиков даже императрица Екатерина отзывалась уважительно: «Он не умеет ни читать, ни писать, но это человек чрезвычайно смелый и решительный».

Но были и другие самозванцы.

Предшественники

Они появились на Руси во время Смуты. К Лжедмитриям надо прибавить и «чудом спасшегося» сына Бориса Годунова, и целый легион якобы отпрысков Ивана Грозного: Августа, Осиновика, Лавра и других. Некто Илейка Коровин, родом из Мурома, выдавал себя за сына царя Федора Иоанновича. Лжедмитрия III (вора Сидорку) убили поляки, хотя и не исключено, что его тайно казнили в Москве. И непризнанные монархи не появлялись с той поры почти полтора века.

Новый всплеск самозванства произошёл за год до смерти императора Петра III, который стал жертвой заговора. Уже тогда в народе кипело возмущение. К будущей императрице, немке по национальности, патриархальное население относилось крайне негативно. Бытовало мнение, будто управлять государством могут только мужчины. Монарх, погибший от рук убийц, представлялся героем, который хотел дать народу волю. И на протяжении трех десятилетий, вплоть до 1797 года, один за другим, как чертики из табакерки, стали заявлять о себе не только двойники Петра III (всего их, по подсчётам историка Олега Усенко, было 24), но и «сыновья» Петра I, Елизаветы, «богопризнанные женихи» и «мужья» Екатерины II, «сестры» Петра III, «земные боги», «ангелы», «апостолы», «премудрые философы» и даже «принц палестинский»..

Первым засветился в 1761 году Иев Семилеткин. Он выдавал себя за Петра II», но о нем известно лишь то, что Семилеткин пудрил мозги своим соплеменникам около четырех лет. Отсутствуют какие-то достоверные сведения и о Теофиле Гаудекере, «племяннике Петра I».

Двойник Петра III, Антон Асланбеков, нарисовался в 1764 году. Разорившийся армянский купец был арестован с фальшивыми документами неподалеку от Курска. Надеясь на поддержку крестьян, он провозгласил себя императором. Асланбекова сослали на вечное поселение в Нерчинск.

После хитрого армянского купца «спасшихся императоров» было много: Антон Любимский, Иван Евдокимов, Василий Сергеев, Михаил Иванов, Влас Дубровкин, Николай Колченко, Григорий Васильев, Федот Гришин, Павел Петров...

И крестьяне, и дворяне

Какие же социальные слои представляли самозванцы? Оказывается, самые разные. Были среди них и мещане, и беглые крестьяне, и дворяне, и иностранцы, и казаки, и купцы, и разбойники, и священнослужители, и даже... один чиновник. Сколько насчитывалось безумцев, не выяснено. Сколько авантюристов, действовавших ради личной выгоды, — тоже. И только Емельян Пугачёв и Никита Сенютин обещали даровать крестьянам свободу. Они, а также Гаврила Кремнёв, Петр Чернышёв, Федот Богомолов и Кондратий Селиванов увлекли за собой на борьбу с несправедливостью многочисленных сторонников.

Гаврила Кремнёв, отслужив 14 лет рядовым в Орловском милицейском полку, в 1765 году дезертировал и объявился в Воронежской губернии. Сначала он представлялся офицером, а потом — императором. Распускал слух о том, что отныне винокурение запрещается, как и подушная подать. Его повсюду встречали хлебом-солью и колокольным звоном,

в его отряд вступали крестьяне. Вскоре он насчитывал уже свыше 500 человек. Однако вооруженная вилами и топорами разбойничья ватага не смогла противостоять царским войскам. Кремнёв был арестован и приговорён к смертной казни, но Екатерина II неожиданно смиротворилась и заменила казнь ссылкой во все тот же Нерчинск, где томился Асланбеков.

Кремнёв словно передал эстафетную палочку другому самозванцу – Петру Чернышёву, тоже беглому солдату. В отличие от своего предшественника Чернышёв был грамотным, обладал красноречием достаточным для того, чтобы увлечь за собой крестьян. В слободе Купянке Изюмского уезда Украины он пытался организовать сопротивление властям, но был пленён и сослан в Нерчинск, где продолжал утверждать, что он —

император. Местные жители, заинтригованные его посулами освобождения от помещичьего ига, организовали каторжнику побег, но самозванец заблудился в тайге. Изголодавшего и обессиленного, его поймали, но Чернышёв через несколько дней скончался.

Вместе с тем слухи о том, что Петр III жив, продолжали циркулировать. Вскоре судьбу Асланбекова и Кремнёва разделил казак из Исетской провинции Каменьщиков, «распускавший крамолу». Он тоже оказался в их компании. Другого казака, Конона Белянина, который должен был выступить в роли императора, выпороли плетью, и он посчитал, что ещё легко отделался.

А вот подпоручика армейского Ширванского полка Иосафата Батурина за «противуправные» разговоры с солдатами о Петре Федоровиче сослали на Камчатку, откуда позже он сумел сбежать, приняв участие в аванюре Морица Беневского.

Король Магадаскара

Беневский родился в 1746 году. Национальность его определить трудно: в жилах его бурлил коктейль из австрийской, венгерской и словацкой кровей.

Будущий авантюрист рано начал свою военную карьеру. Когда ему только-только исполнилось 16 лет, принял участие в Семилетней войне на стороне Австрии. Был ранен.

После войны молодой дворянин попытался завладеть землями своей матери, которые она завещала дочерям от первого брака. Попал под суд, но ему удалось бежать. В 1768 году присоединился к польским повстанцам, но был взят в плен русскими войсками. Его сослали сначала в Нижний Новгород, а затем в Казань, но Беневский снова совершил побег. И – вновь неудачно. Конфедерата задержала царская полиция. Его отправили на Камчатку, где он и познакомился с Батуриным.

7 мая 1771 года Беневский и другие ссыльные взбунтовались, убили губернатора, захватили военный корабль и покинули пределы Российской империи. Осенью того же года после многочисленных приключений бунтовщики добрались до португальской колонии Макао.

Дальше путь Беневского и его ближайшего сподвижника Батурина лежал в Европу. Но шторм занес парусник на Мадагаскар, который европейцам был практически неизвестен. И Беневского с «Петром III» осенила идея: сделать из большого и богатого острова французскую колонию. Людовик XV эту идею поддержал.

В феврале 1774 году авантюристы с небольшим отрядом численностью всего 260 человек высадились на Мадагаскаре. Не встретив никакого сопротивления, они захватили власть. Беневского избрали королем, а Батурина – главой правительства.

Но европейцы никак не могли адаптироваться к тропическому климату. Их косили болезни. В числе двухсот французов умер от лихорадки и «русский император». По некоторым данным, в Нижнем Новгороде проживали его жена и двое детей. У них было много потомков. Фамилия Батурины здесь очень распространенная.

Что касается Беневского, то судьба преподнесла ему ещё немало сюрпризов. Он вернулся в Париж, ему присвоили звание генерала. Потом он подружился с американским посланником Бенджамином Франклином. А вскоре вновь взялся за оружие, сражаясь на стороне

Австрии в войне за Баварское наследство. Новый австрийский император, как и французский король, хотя и одобрил проект колонизации Мадагаскара, денег на это не выделил. И Беневский в 1783 году получил наконец-то финансовую поддержку от Лондона.

Спустя два года авантюрист отправился на Мадагаскар, где основал новую столицу – Мавританию. Но французы отнеслись к этому крайне негативно. Их эскадра обстреляла позиции англичан, Беневский погиб. Похоронен король Мадагаскара рядом с двойником Петра III.

Другие авантюристы

Беглый крепостной Федот Богомолов не сам объявил себя императором. Это сделали волжские казаки. С марта по июнь 1772 года шайка его была неуловима.

Но недолго продолжалась гульба ватаги. Двойника Петра III арестовали, вырвали ноздри и погнали вместе с другими каторжниками в Сибирь. Однако до места поселения Богомолов не добрался – простудился и умер.

Незадолго до Пугачёва объявил себя «чудесно спасшимся государем» бежавший с Нерчинской каторги разбойничий атаман Георгий Рябов. Судьба его неизвестна, хотя он и положил начало новому явлению – когда человек выдавал себя за самозванца, то есть был двойником двойника. В итоге сподвижники Рябова влились в отряды Емельяна Пугачева, заявляя, что Рябов и донской казак – одно и то же лицо.

Когда повсюду бушевала крестьянская война, некий казак (его имя анналы истории не сохранили) тоже выдавал себя за предводителя бунтовщиков. Вместе со своим «статс-секретарём» объезжал помещичьи вотчины, принимая присяги и взимая с их владельцев немалые деньги. Узнав об этом, Пугачев пришёл в ярость. Был разработан план захвата городка Дубовки, где окопался самозванец самозванца, но неистового Емельяна опередили царские власти. А во время суда в Царицыне поползли слухи о том, что судят настоящего казачьего «императора». Пугачев использовал это в свою пользу, утверждая, что сумел сбежать из темницы и «чудесно спасся вторично» (Александров А. А., Садаков М. А. «Гнев народа». К 200-летию Пугачевского восстания. Ижевск, 1974).

Другие «императоры» ничем особым себя не проявили. Ни казаки Метёлка, ни Максим Ханин, ни Фома Мосягин, ни крестьянин Сергеев. Все они пополнили ряды «Петров Третьих» в Нерчинске. Выделялся среди остальных разве что только основатель секты скопцов Кондратий Селиванов. До сих пор ходит легенда, что в 1797 году он встречался с Павлом I.

– Как же ты стал моим отцом, если сам себя оскотил? – спросил якобы император.

– — Греху я не отец, – якобы с достоинством ответил Селиванов.

Забугорный «император»

«Петр III» четыре раза появлялся за границей. Но самый большой фурор произвел забугорный самозванец в Черногории, которая вела борьбу за независимость с турками. Настоящего имени своего он никому не открыл, приказав звать себя Стефаном Малым.

«Узнал» в нём «чудесно спасшегося» русского императора русский офицер Танович. Сходство с портретом Петра III нашли и черногорцы. И избрали сельского знахаря своим правителем.

Надо сказать, правил он очень толково. Прекратил междоусобные распри, заключил перемирие с турками и Венецианской республикой, но это вызвало недовольство со стороны фанатиков-исламистов. На самозванца было совершено несколько покушений. Одно из них закончилось причинением тяжких увечий и слепотой, а последнее – смертью. В 1781 году грек Станко Класомунья зарезал Стефана Малого, когда тот спал. Это был лазутчик турецкого султана.

Пугачёв в Работках

Летом 1774 года после поражения под Казанью Пугачёв направился в Нижегородскую губернию, чтобы пополнить свое войско и, возможно, идти дальше, к Москве. Нижегородский губернатор Ступишин страшно перепугался. Город охраняли только гарнизонный батальон неполного состава, да инвалидная команда.

Ступишин не знал, что делать. Пугачёвцы заняли Курмыш и стали истреблять дворян. При этом зачитывался «Манифест: *«Повелеваем сим нашим именным указом: кои прежде были дворяне в своих поместьях и вотчинах, оных противников нашей власти и возмутителей империи и разорителей крестьян ловить, казнить и вешать и поступать равным образом так, как они, не имея на себе христианства, чинили с вами, крестьянами»* (Лимонов Ю. А., Мавродин В. В., Панеях В. М.

Пугачев и пугачевцы. Ленинград, издательство «Наука», 1974).

Такие же «манифесты» рассылались по всей губернии. И губернатор обратился к архирею Антонию с нижайшей просьбой. Духовенство, как он считал, должно разъяснять народу *«для удержания пустых разглашений о воре и злодее донском казаке Емельяне Пугачеве, который в обман и смущение простаго народа дерзает называться высоким именем покойнаго императора Петра III., чтобы о сем злодее Емельяне Пугачеве и его обмане всякий был сведом»* (ЦАНО).

Но народ почему-то не верил никому. Вожака бунтовщиков боялись, наверное, точно так, как и царских карателей.

В июле 1774 года Пугачёва ждали в селе Работки Макарьевского уезда. *«Воспользовавшись общим наэлектризованным настроением, – писал краевед Александр Гациский в историческом очерке „Прежде“, – один работкинский парень, весельчак и озорник, вздумал, для потехи, разыграть роль Пугачёва: односельчан своих поугать и себя потешить»* (Александр Гациский. Нижегородский летописец. Нижний Новгород, издательство «Нижегородская ярмарка», 2001).

Дед Василия – так звали «приколиста» тех лет – когда-то был рекрутом. У него сохранился мундир, и Василий, напялив его, повязал голову полотенцем, взял две печные заслонки и поскакал на лошади в поле, где жали рожь крестьянки. Гремя заслонками, он зычно крикнул: – Эй, бабы, девки! Разбегайтесь скорее! Сам Пугач к нам жалуется.

Какой тут перепуг случился – не описать. Женщины бросились кто куда. Одна беременная женщина упала в канаву и тут же родила, кто-то серпом поранился...

Но никакого предводителя бунтовщиков в Работках так и не объявилось. И сельчане поняли, что их жестоко разыграли. Василия выпороли. А кличка «Пугач» приклеилась не только за ним, но и к его потомкам. Сегодня в селе Пугачёвых не один десяток.

10 ДНЕЙ И ВСЯ ЖИЗНЬ

Второй женой Емельяна Пугачёва стала при живой первой супруге казачьего атамана 17-летняя Устинья Кузнецова. Пугачёв называл её «императрицей». Похоже, он искренне верил в легенду, придуманную им самим.

Неразгаданная тайна

Чем очаровала вождя бунтовщиков Устинья Кузнецова? Этот вопрос волновал Александра Пушкина, мемуариста Филиппа Вигеля, других историков и литераторов. Всего десять дней длилось счастье Устиньи и Пугачёва, но за эти дни одному пришлось расплачиваться головой, а другой – вечной неволей.

Павловские корни

Есть основания полагать, что предки Устиньи были родом из Нижегородской губернии. В 1552 году, после удачного похода на Казань, царь Иван Грозный присоединяет междуречье Оки и Волги к Московскому государству и начинает серьезно заниматься делом обороны восточной, юго-восточной и южной Руси от степных кочевников и ордынцев. Создается регулярная служба по охране границ от Крымской и Ногайской Орд. Тогда же было заложено много крепостей, в том числе в городах Темникове и Арзамасе, а несколько позже – в селе Павлово.

Кто же охранял эти крепости? Правительство разделило всех служилых на две группы: кормовых и поместных. Первые получали от казны содержание натурой и деньгами. Вторые вместо государственного жалования наделялись землей – в деньгах правительство всегда ощущало недостаток. И земли получали главным образом казаки, стрельцы, пушкарки и ямщики. Больше всего таких наделов появилось на территории нынешнего Павловского района Нижегородской области.

При Иване Грозном в Павлове, которое являлось административным центром Березопольского стана Нижегородского уезда, была сооружена крепость для охраны древней Муромской дороги, хотя, как утверждают местные краеведы, крепость появилась здесь гораздо раньше. И во время Смуты Павлово оказалось в самой гуще событий. Прежде всего, потому, что гарнизон, выражаясь современным языком, не подкованный политически, присягнул Лжедмитрию II. И жестоко за это поплатился. Кого-то из стрельцов выпороли кнутом, кому-то «взрезали ноздри и посекали пальцы на руках» (ЦАНО), кого-то сослали в Сибирь, кто-то попросту сбежал.

Яицкий городок

Когда же предки Устиньи Кузнецовой оказались в Яицком городке? Этот городок был основан русскими казаками в 1584 году. В станице Зимовейской родились и Стенька Разин, и Емельян Пугачев. Бывшие сподвижники Стеньки сюда, вероятно, вернулись или в 80-х, или в 90-х годах семнадцатого века. А вместе с ними и несколько павловчан.

Яицкий городок до Петра I имел полную автономию. Но когда Емельян Пугачев объявил себя чудесным образом спасшимся императором, казаки пошли за ним. После подавления восстания Екатерина II повелела переименовать Яицкий городок в Уральск. Однако казаки ещё не раз поднимали мятежи. Так было в 1804, 1825, 1837, 1874 годах.

Емельян Пугачёв начал свой поход на Яицкий городок со станицы Бударинской 17 сентября 1773 года. И есть в современном Уральске (сегодня этот город находится на территории Казахстана) дом, в котором он жил 10 дней. Жил после венчания с Устиньей Кузнецовой.

Дом Пугачёва

Мне довелось побывать в этом доме, ставшем музеем. Он крепкий, брёвна его покрыли лаком, чтобы не гнили.

Говорят, что мебель и другие экспонаты принадлежали самому Пугачёву и его сподвижникам. Особенно меня поразила огромная деревянная кровать с горой подушек. Есть и рисованный портрет Устиньи. Была ли она красавицей? Трудно сказать. Идеалы красоты со временем меняются. Но легенда рассказывает о том, что Екатерина II возжелала на неё поглядеть. *«Пугачёв в Яицком городке увидел молодую казачку Устинью Кузнецову и влюбился в нее, — писал Александр Пушкин в „Истории Пугачёвского бунта“ — Он стал её сватать. Отец и мать изумились и отвечали ему: „Помилуй, государь! Дочь наша не княжна, не королевна; как ей быть за тобою? Да и как тебе жениться, когда матушка государыня еще здравствует?“.* Пугачев, однако, в начале февраля женился на Устинье, наименовал ее императрицей, назначил ей штатс-дам и фрейлин из яицких казачек и хотел, чтоб на ектенью поминали после государя Петра Федоровича супругу его государыню Устинью Петровну».

Но есть еще один музей Пугачёва – в бывшем Кексгомле, теперь Приозерске, где томилась за решеткой Устинья Кузнецова. Научный сотрудник этого музея Валентина Костромина считает, что свадьбу самозваного императора устроили зажиточные яицкие казаки, поскольку официальная супруга «императора» выглядела не царицей, а простой крестьянкой. Тем не менее сам Пугачев свадьбы этой не хотел. *«Если я здесь женюсь, то Россия мне не поверит, что я царь»*, — заявил он на допросе полководцу Александру Суворову 15 сентября 1774 года.

Известно, что свадьба Пугачёва с Устиньей Кузнецовой состоялась зимой 1774 года. Венчанье проходило в церкви Петра и Павла в Яицком городке. Устинья была арестована 15 апреля 1774 года, содержалась под следствием в Оренбургской и Казанской секретных комиссиях, а с ноября 1774 года – в тайной экспедиции сената в Москве. В 1775 году была отправлена в Кексгольм. Екатерина II распорядилась: *«...А понеже ни в каких преступлениях не участвовали обе жены самозванцевы, первая – Софья – дочь донского казака Дмитрия Никифорова, вторая – Устинья – дочь яицкого казака Петра Кузнецова, и малолетние от первой жены сын и две дочери, то отдалить их без наказания, куда благоволит правительствующий сенат»*. В «Указе Ея Императорского Величества» от 9 января 1775 года говорилось: *«Семью Пугачева содержать Кексгольме, не выпуская из крепости, давая только в оной свободу для получения себе работою содержания и пропитания, да сверх того производя и из казны на каждого по 15 копеек в день»* (фонды музея «Корелы» в Приозёрске). Впрочем, этой суммы было достаточно. Фунт мяса стоил в то время 1 грош (полкопейки).

Устинья раньше не была знакома с официальной супругой Пугачёва – Софьей. Теперь же она, как и дети Софьи, Трофим и Аграфена, томились в одной тюрьме. Никакого зла друг на друга ни Софья, ни Устинья не таили. Пугачёв, кстати, пока не попал в клетку, не прекращал общаться со своей семьёй. После поражения 25 августа 1774 года он перевез Софью и сына Трофима на левый берег Волги. Они были свидетелями его ареста у реки Большой Узень.

Софью Дмитриевну и её детей доставили в Москву, как и самого Пугачёва, и подвергли пристрастному допросу, устроили две очных ставки с главным бунтовщиком. А потом Софье Дмитриевне и её детям, как и Устинье Кузнецовой, предстоял неблизкий путь от Москвы до Выборга. Сюда они прибыли 24 января 1775 года. Но о казни Пугачёва узнали позже.

Главную башню крепости, где содержались «государственные преступники», за глаза называли «пугачёвской». Но жены Пугачёва именовались из конспирации по-другому. Их не коснулась ни одна амнистия. Ни при Екатерине II, ни при Павле I, ни при Александре I.

Последняя такая амнистия была объявлена 15 мая 1802 года. Но жены Пугачева и его дети попали в «Реестр тем людям, коих комиссия полагает оставить в настоящем их положении». И надзор за узницами и сыном Пугачева был, наоборот, усилен. И Софья Дмитриевна, и Устинья Кузнецова умерли в Кексгольме, так и не дождавшись освобождения.

Екатерина II прекрасно знала, в каких условиях содержатся жены Пугачева. *«Вот уже четырнадцать лет, как первая жена Пугачева Софья и трое ее детей вместе со второй женой Устиньей сидят в Кексгольмском крепостном заточении, – писала она в своём дневнике. – Не слишком ли это много для людей ни в чем не повинных? Пусть. Дочери Пугачёва выросли, им уже около 20 лет, и старшей и младшей. Тюремные надзиратели, по слухам, учиняют над ними непристойные прелюбодеяния. Да и вторая жена Пугачёва еще молодая женщина, ей только 30 лет. Над ней тоже насильствуют тюремщики. Пусть. Но справедливо ли, что безграмотные зимовейские казачки, не обладающие идеями, томятся и терпят жестокую нужду и лишения в Кексгольмской крепости? За что? Ах, какое мне дело до справедливости! Против меня восстал самозванец, этот маркиз Пугачёв, грозивший постричь меня в монастырь, покушавшийся на мой престол. Так пусть же его темные неграмотные жены умирают в тюрьме, за каменными стенами. Мне нет до них никакого дела!»* (Дневник императрицы. Екатерина II. Москва, издательство «Рипол-классик», 2013).

То, что такие насилия совершались, подтверждено документально. В рапорте поверенного Павла I графа де Мендоза Ботелло говорится: *«девка Аграфена имеет рожденного у себя сына, которого прижила через насилие от бывшего коменданта полковника Гофмана»* (фонды музея «Корелы»).

Устинья Кузнецова умерла 18 ноября 1808 года. Ей было 50 лет. Отец ее, Пётр Михайлович, не выдержав пыток, скончался в Оренбургском остроге ещё в июле 1774 года. Судьбы сестры Устиньи Марии и её мужа, казака Семёна Шелудякова, неизвестны.

Дом-музей Пугачёва

Удивительно, но дом Петра Кузнецова уцелел в Уральске до наших дней. Долгое время он пустовал, потом там разместили библиотеку. Сейчас здесь музей. Здесь стоит железная клетка – возможно, даже та, в какой возили «государя-императора». Есть здесь и его «трон», и походная складная кровать.

Пугачёв не был однолюбом. Взяв Татищеву крепость и расправившись с комендантом майором Харловым, «государь» берёт в наложницы его молодую супругу. Он поселился с ней в Бердской слободе, в семи верстах от Оренбурга. Но приближенные Пугачева, опасаясь, что их вождь отойдёт от дел, убили наложницу и её семилетнего брата. Вот тогда-то, понимая, что «император» находится в расстроенных чувствах, и подсунули ему Устинью.

«Сёстры» бунтовщика

В июле 1826 года в Кексгольмскую крепость были доставлены декабристы. Один из них – Иван Горбачевский – оставил потомкам рассказ, записанный П. И. Першиным в Сибири и опубликованный в июле 1885 года в «Историческом вестнике». *«В то время, – писал Горбачевский, – в Кексгольмской крепости содержались две старушки Пугачевы, которых называли «сестрами» Емельки. Они пользовались в стенах крепости до известной степени свободой: гуляли по двору, ходили с ведрами за водою, убирали сами свою камеру, словом, обжились, были как дома и, кажется, иных жизненных условий совершенно не ведали». Это были либо сёстры, либо дочери Пугачева».*

Кто были эти женщины на самом деле? Дочери? Но дочь Пугачева, Христина, умерла от паралича 13 июня 1826 года. То есть, до декабристов – те прибыли в Кексгольм только месяц спустя. Младшая дочь Пугачева, Аграфена, умерла 5 апреля 1833 года. Возможно, одной из «старушек» Горбачевский посчитал её. Но кто тогда была вторая женщина?

Известно, что у «государя-императора» были две сестры – Федосья и Ульяна. Вероятно, второй «старушкой» предстала пред очами декабристов либо одна, либо другая. Но кто?

Сын Трофим

Как сложилась судьба сына Пугачева Трофима, до сих пор неясно. В 1811 году его видел в Кексгольмской крепости Филипп Вигель, но в 1826 году его уже здесь не было. Куда он делся? Умер? Бежал? Освободили?

Во втором номере журнала «Наука и жизнь» за 1964 год в статье «О долголетних» рассказывалось о потомке Пугачева Филиппе Михайловиче, которому исполнилось 100 лет. Он жил в Целиноградской области Казахстана. Его отец, Михаил Емельянович, был старшим сыном Емельяна Пугачёва. Он дожил якобы до 126 лет. Но у казачьего атамана не было сына по имени Михаил.

Я служил в армии в Целиноградской области. Судьба распорядилась так, что в 1966 году нас, солдат, послали на уборку урожая в зерносовхоз имени Казахского ЦИКа, где обосновалось потомство Пугачева. Но Филипп Пугачев умер за два года до этого. На его могиле стоял крест, на котором было написано: «Филипп Трофимович Пугачев, 1864—1964».

Но почему «Трофимович»? Выходит, он действительно был внуком Пугачева, сыном Трофима? Внучка Филиппа Пугачева Татьяна Васильевна настаивала на том, что её дед был по отчеству Михайлович. Но тут можно подумать о том, что дед просто конспирировался.

Какова же была судьба Трофима Пугачева? В Орловском районе Ростовской области в поселке Красноармейском, больше известном как станция Куберле, где селились калмыки, не так давно обнаружено захоронение. На могильной плите написано: «Пугачев Трофим Емельянович, 1769—1886». Скорее всего, здесь и покоится прах сына Пугачёва. Он прожил не 126, а 117 лет. Тут же и могила Шаповаловой Февронии Трофимовны, родившейся в 1845 году и умершей в 1945-м. Кто это? Внучка Пугачева? Очень на то похоже.

3. УРА! МЫ ЛОМИМ, ГНУТСЯ ШВЕДЫ

И СМЕРТЬ, И АД СО ВСЕХ СТОРОН

О Полтавской битве стоит напомнить, наверное, только основное.

Северная война поначалу складывалась для России крайне неудачно: в 1700 году русская армия потерпела сокрушительное поражение под Нарвой. Петр I сделал соответствующие выводы. Он практически с нуля создал армию и флот, заложил новую столицу и военный порт — Кронштадт.

Уже летом 1704 года дела пошли в гору. Русские взяли Дерпт (Тарту), а затем Нарву, и это вызвало раздражение молодого амбициозного шведского короля. Он решил вести войну до победного конца, и в июне 1708 года начал поход против России.

Армия его была лучшей в Европе. Войско Пётра I лишь чудом избежало разгрома под Гродно. Но шведы испытывали недостаток продовольствия и фуража, а у русских тоже возникли немалые проблемы. Осенью 1708 года гетман Иван Мазепа перешёл на сторону Карла. Это грозило тем, что к 35-тысячной шведской армии добавится 50 тысяч казаков. Но на самом деле добавилось лишь 10 тысяч. Шведский король не решался задействовать их в боевых действиях. Они охраняли обоз и пленных.

Пётр в отместку захватил Батурин — ставку Мазепы. Был избран новый гетман — Иван Скоропадский. Но опять вышла неувязка: под знамёна Карла встали казаки Запорожской Сечи. В ответ полковник Калаган приступом взял Сечь.

Тем временем Карл XII осадил Полтаву. Защитники города успешно отбивали все атаки, а их было в общей сложности 20. Шведы потеряли 6 тысяч человек. Эта вялотекущая война продолжалась до тех пор, пока русская армия не подошла к Полтаве. И Карл решил дать генеральное сражение.

Баталия началась

Это сражение, в котором с обеих сторон участвовало около 80 тысяч человек, началось 8 июля 1709 года стремительным рейдом шведской конницы. Убеденный, что застанет русскую армию врасплох, Карл назначил атаку на два часа ночи.

– Скажите солдатам, чтобы они не брали еду с собой, – отдавал приказания король. – Обедать будем в русском лагере.

Его, раненого накануне, несли на носилках при свете факелов. Большой позёр, он в одной руке держал шпагу, в другой – пистолет.

– Счастливого боя! Вас ожидает слава! – напутствовал король свои войска.

Пётр тоже вышел к солдатам.

– Порадеем же, любимые сыны, ради дорогой отчизны нашей, – сказал он.

Но солдаты и без того знали, что момент очень ответственный, в случае поражения народу грозят тяжкие беды. И русские постепенно перехватили инициативу. Шведские орудия молчали, так как все боеприпасы были израсходованы при штурме Полтавы. Карл XII не смог руководить сражением, и шведы начали беспорядочное отступление, превратившееся вскоре в бегство. Противник потерял, по разным оценкам, от 9 до 11 тысяч убитыми, 19—22 тысячи пленными. Сдались на милость победителей генералы Шлиппенбах, Роос, Стакельберг и Гамильтон, фельдмаршал Реншильд и другие военачальники. Российский император пригласил их в свой шатёр отпраздновать вместе с ним победу. Те кривились, но пили вино. Было захвачено 137 вражеских знамён и штандартов. Первый штандарт отбил каптенармус Нижегородского драгунского полка Абрам Антонов. Военное могущество шведов было подорвано. В 1721 году Северная война закончилась полной победой России.

Боур, который Бауэр

В пушкинской поэме «Полтава» есть такие строки:

Далече грянуло ура:

Полки увидели Петра.

И он промчался пред полками,

Могущ и радостен как бой.

Он поле пожирал очами.

За ним вослед неслись толпой

Сии птенцы гнезда Петрова —

В премежах жребия земного,

В трудах державства и войны

Его товарищи, сыны:

И Шереметев благородный,

И Брюс, и Боур, и Репнин...

Боур – это Родион Христофорович Бауэр. Он командовал отрядом, в который входил Нижегородский драгунский полк.

Швед по национальности, Бауэр родился в 1667 году в Германии. Начал военную службу в шведском драгунском полку, который дислоцировался в Лифляндии. И офицер неожиданно перешёл на сторону русских.

Переход этот был вынужденным. 30 сентября 1700 года ротмистр Бауэр на дуэли убил своего сослуживца и подлежал повешению. Он бежал в расположение русских войск, сообщив при этом важные сведения. Пётр I, который лично допрашивал перебежчика, был осведомлён, что Бауэр является агентом саксонского курфюрста и польского короля Августа II и направлен в Нарву для сбора разведывательной информации. Состоявший при Петре саксонский генерал Алларт подтвердил это, и царь принял Бауэра на службу, присвоив сначала чин майора, а затем полковника и поручил ему командование драгунским полком.

Карьера перебежчика была головокружительной. В 1702 году он участвовал в разгроме корпуса генерал-майора Шлиппенбаха, а затем, что вызвало расположение Петра I, оказал покровительство пленной воспитаннице пастора Глюка Марте Скавронской, ставшей впоследствии российской императрицей Екатериной I.

В дальнейшем Бауэр, сражался в Курляндии под началом Бориса Шереметева. На его счету – взятие Митавы, участие в разгроме войск Калиша в Польше. В 1707 году Родион Христофорович был удостоен звания генерал-поручика от кавалерии.

Во время русского похода шведов в сражении при Лесной Бауэра тяжело ранило. Пуля попала в рот и вышла через шею. Это вызвало паралич, от которого он оправился только накануне Полтавской битвы. Бауэр командовал драгунскими полками у редутов, а затем, после ранения генерал-поручика Ренне – практически всей кавалерией. Вместе с Александром Меншиковым и другими военачальниками был пожалован обширными поместьями, получил портрет царя, украшенный бриллиантами.

Бауэра можно по праву назвать одним из героев Северной войны. Он участвовал в осаде Риги, в боях в Эстляндии, штурмом брал Пернов и остров Эзель, вынудил капитулировать гарнизон Ревеля, воевал в Померании, осаждал Тонинген и Штеттин, организовал высадку русского десанта в Шонию...

Незадолго до смерти Бауэр, которому исполнилось 50 лет, получил звание генерала от кавалерии и командовал дивизией. Нижегородские драгуны любили своего командира.

У драгун особая тактика

17-й драгунский Нижегородский полк раньше имел порядковый номер 44. Он был сформирован 8 сентября 1701 года новгородским воеводой Апраксиным в составе 10 рот под названием драгунского Морелия полка. Боевое крещение получил 13 августа 1702 года. Нижегородские драгуны участвовали в осаде Нарвы, в непрерывных походах и боях со шведами в Литве и на Украине.

Первым серьезным успехом драгун было сражение под Калишем в 1706 году. В нём драгуны применили новую тактику. Спешившись, они под барабанную дробь пошли в атаку на неприятеля. Примерно так, как офицерский батальон Каппеля в фильме «Чапаев» – в полный рост и не кланяясь пулям. Шведский генерал Мардефельд в этой ситуации испугался и предпочел сдаться – у него не было ни пулемётов, ни Анки-пулемётчицы.

Успешно действовали драгуны и в других сражениях Северной войны: под Дерптом, Лесной, Полтавой. Они пользовались особым расположением Петра I, он даже распорядился об их особом обмундировании. Их кафтаны были не зеленого цвета, как у пехотинцев, а синие с белыми отложными воротниками. Белыми были также камзолы и штаны в обтяжку, которые получают позже название лосины. Вооружение драгун составляли кремнёвые ружья с крюками для того, чтобы цеплять их к перевязи на лошади, пара пистолетов и палаш. Но опять-таки накануне Полтавской битвы старые кремнёвые ружья стали заменяться более удобными карабинами. Они были на 26 сантиметров короче.

Но карабины достались не всем. Некоторые драгунские полки были вооружены штуцерами (нарезными ружьями с мушкой) и мушкетонами – гладкоствольным оружием с хорошим радиусом поражения, поскольку одновременно могли послать в неприятеля до четырех десятков мелких пуль.

Ещё одной новинкой тактики драгун в петровские времена было запрещение ружейной стрельбы в походном строю. Такая стрельба была чревата попаданием в своих, а не в неприятеля, поэтому драгуны предпочитали применять холодное оружие. И знали в этом толк. Во всяком случае, они на равных рубились со шведами, которые были искусными фехтовальщиками.

Но у драгунов были свои проблемы. В частности, с фуражом. Летом и осенью кони переводились на подножный корм. Зимой и весной казна выделяла 15 пудов сена и 8,5 пуда овса

на лошадь. Кроме того, её владельцу начисляли ежегодно 15 копеек – на 5 подков. Упряжь выдавалась на три года. Срок лошадиной службы составлял 15 лет, но редко кто из четвероногих доживал до «заслуженного отдыха».

Пехотинцы

Бок о бок с драгунами сражался и 22-й Нижегородский пехотный полк, о котором до недавнего времени было известно крайне мало. Но мне удалось найти документы, рассказывающие об истории этого воинского формирования.

Полк был создан 25 июня 1700 года. В него вошли нижегородцы, которые попали в первый рекрутский набор при Петре I. Полк состоял из 1200 человек, 1152 из которых были нижними чинами. Пороху отпускалось каждому по фунту, знамя доверяли сержантам. Потеря знамени в бою каралась смертью. Командовал полком Евстафий Больман. Он подчинялся генералу Автоному Головину. Кстати, все командующие полком при Петре были иноземцами: Страуберг, Риггерт, фон Эферн, Раутенберг, Минстерман, Гальбрехт, Пфейгленгейм, Ностиц.

Нижние чины были вооружены фузеями – гладкоствольными ружьями с кремнёвым замком. Они весили почти 6 килограммов, а пули могли сразить и слона. В дуло фузеи вставлялись багинеты – заострённые железные клинки длиной 12 вершков (около полуметра). Их носили в ножнах. Но именно перед Полтавской битвой багинеты были заменены трехгранными штыками. Их преимущества солдаты сразу же оценили. В бою применялись и пики. Офицеры имели шпагу с португеей.

Одежда пехотинца состояла из однобортного кафтана с медными пуговицами, камзола без обшлаг, епанчи в виде шинели до колен с капюшоном, штанов длиной немного ниже колен. Всё это было из сукна. Сапоги носили только во время походов и боевых действий. В остальное время солдаты ходили в башмаках и чулках. Кафтаны и камзолы были зелёного цвета, шляпы – чёрного. В гренадёрских ротах шляпы заменяли высокие кожаные шапки. Шляпы офицеров украшали золотые галуны. Кафтаны барабанщиков были обшиты с боков трёхцветной тесьмой. За форменную одежду с нижних чинов вычиталось в год по 6 рублей, за медикаменты – по 4 алтына.

Жалование полковника составляло 300 рублей в год, подполковника – 150—160, майора – 140, капитана – 100, поручика – 80 рублей. Иноземцы получали вдвое больше. Сержанту платили 14 рублей 40 копеек, капралу – 12, рядовому – 10 рублей 98 копеек.

Кроме того на каждый солдатский нос приходилось три четверти муки, полторы четверти крупы и мяса на 72 копейки (1 четверть составляла 12 пудов). В военное время рацион был другим. В день пехотинцу полагалось 2 фунта хлеба, фунт мяса, две чарки вина (250 граммов), а также крупа.

Срок службы тогда был пожизненным. Увечных и больных пристраивали в монастыри. Беглых солдат били кнутом, ссылали, вешали. Нередки были побеги и в Нижегородском пехотном полку. С 1711 по 1719 годы их всего случилось 231, причем 190 – только в одном 1712 году. Членовредителям отрезали носы, уши, языки, пальцы. Сильно провинившихся ссылали в Сибирь и на галеры.

Несмотря на жестокость военных судов и палочную дисциплину, нижегородцы отличались во всех сражениях Северной войны. В первых же боях под Нарвой пехотинцы потеряли треть состава. Здесь сложил свою голову и первый командир полка Больман. Погиб во время Полтавской битвы и командир полка Пфейгленгейм. Он похоронен в братской могиле вместе с другими воинами, отдавшими свои жизни за независимость России – страны, которая стала его второй родиной.

Всё шиворот-навыворот

Первый памятник на поле Полтавской битвы появился лишь в 1778 году, в 1909 году был основан музей-заповедник. Здесь были установлены памятники Петру I, русским и шведским воинам, на месте лагеря Петра I и другие.

С тех пор прошло больше ста лет. Много изменилось. На Украине переписывают историю. И я удивился, когда наткнулся на объявление о том, что Полтавское бюро путешествий и экскурсий приглашает желающих посетить музей-заповедник. Это объявление было датировано июнем 2015 года.

Но всё в Полтаве шиворот навыворот. Экскурсоводы рассказывают не о победе русских войск, а о победе над москалями. Полтавское сражение представляется как героическая борьба украинских войск и их союзников-шведов за независимость Украины от России. И многие памятники на месте Полтавской битвы содержатся в безобразном состоянии.

Так что же остаётся? Всё забыть? Забыть о пролитой крови за общее наше Отечество? Забыть о героизме и самопожертвовании? Эти вопросы — как незаживающие раны.

ПЕШИЕ КОННИКИ

Отличились нижегородские драгуны не только в Северной войне, но и в войнах с Персией и Турцией.

Полковник наш рожден был хватом

В начале XIX века на Кавказ – ворота из Европы в Азию – претендовали три могущественных империи – Персия, Турция и Россия. В 1829 году близилась к окончанию очередная война с Османской Портой, которая терпела поражение. Можно было немного передохнуть, и русский главнокомандующий на Кавказе Иван Паскевич начал возвращать армию на зимние квартиры. Активные боевые действия велись в то время в основном только летом, так как хорошо обученных егерей среди россиян не было. И турки, воспользовавшись этим, готовились к реваншу. В город Бейбурт, находившийся в непосредственной близости от «нейтральной полосы», стекались толпы фанатиков-добровольцев. Целью султана было вернуть Эрзерум, который отвоевал Паскевич.

Но овладеть Бейбуртом и предотвратить агрессию было совсем не просто. Город со всех сторон город окружали неприступные скалы, к тому же турки возвели земляные укрепления на единственной дороге, опоясали Бейбурт шанцами – так тогда называли траншеи и окопы. На старом кладбище – там, где, никто этого не ожидал, – расположилась артиллерийская батарея.

Тем не менее лазутчики Паскевича не дремали. И главнокомандующий принял решение: наступать. Как писал В. В. Потто в 11-томной «Истории 44-го драгунского Нижегородского полка», изданной в Санкт-Петербурге и Тифлисе в 1892—1908 годах, *«Паскевич предпринял атаку именно с этой стороны, так как атака с фронта, на которой настаивал военный совет, привела бы к неоправданным людским потерям».*

На рассвете 27 сентября русские войска покинули свой лагерь. Турки выступили навстречу. Пехотинцы-гренадеры смяли их первые ряды, но тут в бой вступила турецкая кавалерия, и на помощь гренадерам были посланы Нижегородский драгунский и Сводный уланский полки.

По свидетельству очевидцев, противники застыли в ожидании. *«Только легкий звяк железа да всхрапывания лошадей раздавались в полной тишине, – вспоминал корнет Иван Крюков. – Наконец один из турецких офицеров не выдержал этого напряжения и решился перерезать тугую бечеву неопределенности. Он отделился от цепи фланкеров (кавалеристов, которых отряжали для прикрытия движения войск и для наблюдения за неприятелем на флангах, – С.С.-П.), подлетел к фронту драгун почти что вплотную и разрядил в русских свой пистолет. Тотчас стоявший впереди первого взвода поручик Ясон Чавчавадзе (сын грузинского поэта Александра Чавчавадзе, – С.С.-П.) бросился к нему навстречу с поднятой уже для удара шашкой»* (там же).

Поединка Пересвета с Челубеем не получилось. Турок удирал, а Чавчавадзе гнался за ним, рискуя оказаться в полном окружении. Но солдаты, как писал Потто, *«не хотели терять храброго офицера у себя на глазах»* (там же). По команде командира полка Ивана Малхазовича Андронникова они поспешили на выручку Чавчавадзе. А тот, в конце концов, настиг турка и зарубил его.

Атака была стремительной. Турецкая артиллерийская батарея успела выстрелить всего три или четыре раза, после чего была занята нижегородцами. Брат Чавчавадзе, Роман, спрыгнув с коня, развернул орудие и ударил картечью по отступавшему противнику. Путь к Бейбурту был открыт.

На следующее утро турки запросили мира. Андронников был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени.

Иван Андронников сменил на посту командира Нижегородского драгунского полка сына героя войны 1812 года Николая Раевского, Николая Николаевича. Он был тесно связан с декабристами, но следствию не удалось доказать его причастность к событиям 14 декабря 1825 года. После заключения в крепости Раевского направили на Кавказ. Здесь к нему в 1829 году заехал Александр Пушкин.

Как с разбойниками боролись

Сражение под Бейбуртом – только один эпизод из боевой биографии нижегородских драгунов. А таких эпизодов было немало. Полк прошёл славный путь, часто его бросали в самую гущу сражений.

Осенью 1707 года началось крестьянское восстание на Дону и на Украине. Оно постепенно приближалось к Волге. Возглавивший его атаман Кондратий Булавин рассылал «прелестные грамоты» с призывом *«побить бояр, прибылыщиков и немцев»* (ЦАНО). («Немцами» тогда называли иностранцев, некоторые из них занимали важные государственные посты). Такие грамоты попали и в Нижний Новгород. А 27 мая на Дмитриевской башне кремля, на заборах домов Приказа монастырских дел и стрелецкого головы появились «воровские» надписи: *«Быть бунту, что и в Астрахани!»* (там же).

Воевода Никита Кутузов не знал, что делать. Послал донесение царю и поставил возле каждой надписи по стрельцу – чтобы охраняли «вещественное доказательство». Пётр I пришёл в ярость. *«Никита Кутузов, человек ты недалекого ума, – писал он, – допустил в сём деле немалую оплошку»* (там же). И прислал в Нижний другого градоначальника, Ивана Леонтьева.

Но и тот ничего не мог противопоставить мятежникам. В десяти верстах от Нижнего они напали на казенный струг, убили целовальника (сборщика податей) и приказчика, разбойничали и под Балахной. Отряд Булавина под началом Ганьки Старшонка грабил помещиков, грозился пойти в Нижний, чтобы *«распустить тюрьму»* (там же).

Петр послал нижегородских драгунов. И те выполнили возложенную на них задачу. Гаврюша Старчонок, хотя и занял Балахну, был оттуда с позором изгнан.

Из истории полка

**Во время Прутского похода 1711 года нижегородцы, находясь в отряде генерала Ренне, были посланы к Браилову и взяли крепость итурмом. В период с 1716 по 1718 годы полк воевал в Померании, а затем сражался со шведами, брал итурмом Фридрихсгам и Гельсингфорс, участвовал в сражениях при Пальциге и Кунерсдорфе.*

«Специалисты» по Кавказу

Лишь девять воинских формирований царской России из 157 были удостоены георгиевских полковых штандартов. Такой штандарт был пожалован нижегородским драгунам за подвиги в Персидской войне 1826—1829 годов, в Чечне и в сражении при Кюрюк-Даре во время проигранной Россией Крымской войны 1853—1856 годов. Узнать нижегородцев можно было сразу же. Они носили темно-зелёные черкески с кавказскими газырями на груди, шаровары казачьего покроя с красными лампасами, собранные у пояса в складки (они надевались поверх сапог) и бурки с красными воротниками. Мундир офицера дополняли эполеты, шарф и сабля на портупее, а также белые фуражки. В черкеске, кстати, запечатлел себя на автопортрете Михаил Лермонтов. Его дважды – в 1837 году, после стихотворения «На смерть поэта», и в 1840 году, после дуэли с де Барантом, царь переводил на Кавказ. Первый раз – в Нижегородский драгунский полк, второй раз – в Тенгинский гусарский. Николай I надеялся,

что там поэта обязательно найдет пуля горца. Но отыскала его пуля, посланная другим русским офицером.

Из истории полка

**В 1783 году нижегородцы были командированы на Кубань, а с 1787 года приняли участие в военных действиях против турок. В 1796 году штурмовали Дербент, подавляли восстание кабардинцев*

**С 9 апреля 1809 года драгуны воевали с персами, а в 1812 году наводили порядок в Кахети.*

**13 сентября 1826 года в сражении под Елисаветполем унтер-офицер Жилин захватил персидское знамя. Все офицеры получили за этот бой награды, а командир, полковник Шабельский, – орден святого Георгия 4-й степени и чин генерал-майора.*

**После взятия Аббас-Абада, Сардар-Абада и Эривани Нижегородский полк совершил поход в Азербайджан и 15 января 1828 года занял Марагу. За геройские действия в Персидскую войну император Николай I распорядился, чтобы полк носил золотые петлицы. Это выделило нижегородцев из ряда других полков.*

Если бы

Как утверждают многие отечественные историки, если бы под Севастополем во время Крымской войны действовала Кавказская армия, всё было бы по-другому. В Крым посылали образцовые войска мирного времени. Солдаты Нижегородского драгунского полка не умели маршировать, но воевать умели.

Сегодня многие потомки драгун живут не только в Нижегородской области, но и на Ставрополье, в Чечне, Северной Осетии, Краснодарском крае и в Грузии. Служили в полку грузинский поэт Александр Чавчавадзе (он был во время Отечественной войны 1812 года адъютантом полководца Барклая де Толли), герой Аустерлица генерал Сергей Каменский, брат Александра Пушкина Лев Пушкин, сын знаменитого партизана и генерала 1812 года Дорохова, сосланный сюда за дуэль, разжалованные в солдаты декабристы Оржитский, Депрерадович и Молчанов и не разжалованный майор Семичев... Имена их мне установить не удалось. И, к сожалению, память о нижегородских драгунах, о георгиевском кавалере Сергее Михайловиче Каменском и других героях не увековечена. А ведь они того заслужили. Особенно генерал от инфантерии, граф Сергей Михайлович Каменский. Биография его – сюжет для романа, написать который хотел Лев Толстой. Но так и не осуществил свой замысел.

Генерал от инфантерии

Сергей Каменский был старшим сыном генерал-фельдмаршала графа Михаила Федоровича Каменского. По разным источникам, родился то ли в 1771, то ли в 1772 году. Воспитывался, как и брат его Николай, в кадетском корпусе. На службу зачислен корнетом в Нижегородский драгунский полк. В 1777 году он уже прапорщик, а 5 мая 1789 года произведён в подполковники. В том же году он принимал участие в турецкой кампании, в боях при Максимах и Галаце.

В 1791 году Каменский был отправлен в армию князя Репнина и отличился при переправе наших войск через Дунай. В компаниях против поляков в 1792 и 1794 годах участвовал в сражениях при Щекоцинах, Песочном, Мацевевицах и в штурме Праги. Командовал полком, был ранен, получил орден Святого Владимира 4-й степени и золотой крест, произведен в полковники, а 14 марта 1798 года – в генерал-майоры. Однако вскоре попал в немилость к непредсказуемому Павлу I и был отправлен в отставку. Возвратил его на службу Александр I.

В 1805 году Сергей Каменский находился в корпусе графа Буксгевдена, а в сражении при Аустерлице – в колонне графа Ланжерона. Три блестящих атаки бригады Каменского про-

тив дивизии Илера хотя и замедлили наступление корпуса Сульта, но не могли остановить его. Кутузов, присутствовавший при этих атаках, сам признал невозможность держаться дольше и отступил с бригадою Каменского к Гостиерадеку.

15 июня 1806 года Каменский был произведен в генерал-лейтенанты и назначен начальником 12-й дивизии, а затем командиром корпуса в армии Михельсона, открывшей операции против турок. Его корпус занял селение Гаджи-Хапитан-Мегмет, отличился в бою под Браиловым, взял хорошо укрепленную крепость Базарджик. Среди двух тысяч пленных оказался и крупный военачальник Пегливан-паша. Продолжая наступление, корпус Каменского занял Козлуджи и Иени-Базар.

Участие Сергея Каменского в Отечественной войне 1812 года ограничилось только тремя сражениями – при Батыне, Кобрине и Городецке. Он тяжело заболел и был уволен со службы. В 1822 году граф поселился в Орле, удивляя окружающих своими странностями и расточительностью. Каменский имел собственный театр и труппу актеров, 80 музыкантов, дворня его состояла из 400 крепостных.

Что касается нижегородских драгунов, то они участвовали во всех войнах, которые вела Россия включая и Первую мировую. И даже в Гражданской войне, только уже не единым формированием. Одни воевали на стороне белых, другие – за красных.

4. ЖЕНЩИНЫ В АРМИИ ВООРУЖЕНЫ И КРАЙНЕ ОПАСНЫ

В 1737 году звероловы сбились с ног, прочесывая дремучие нижегородские леса. Согласно распоряжению императрицы Анны Иоанновны нужно было срочно доставить в Петербург целое стадо живых оленей и лосей. Если точнее, ровно шестьдесят. Нижегородский губернатор Юрий Михайлович Волынский даже не мог представить, на кой ляд они там нужны. Всё выяснилось позже. Анна Иоанновна задумала большую охоту. Показать свое мастерство в стрельбе должен был созданный ею дамский спецназ – телохранительницы.

Но интерес к оружию женщины стали проявлять задолго до этого.

Амазонки

Выдумка это или чистая правда, историки точно не знают. Плутарх в своих «Жизнеописаниях» рассказывает о том, как амазонки, переправившись по льду через Боспор Киммерийский, двинулись на Аттику. После неудачной четырёхмесячной войны с Тесеем, тогдашним правителем Аттики, воинственное племя возвратилось на родину. Под началом королевы Пенфесилии амазонки вроде бы защищали Трою. Другая правительница амазонок, Фалестра, посетила с дружественным визитом Александра Македонского.

Но мифы, кажется, подтверждаются. Найдены захоронения женщин, в которых находились луки, стрелы и дротики.

Воительницы славянского происхождения

Летописцы утверждают, что амазонки имели славянские корни. Во время первой осады Константинополя в 626 году нашей эры среди убитых авар и их союзников из племени русичей попадались женщины в доспехах. И сражались они «неистово».

Пётр I приветствовал работу представительниц прекрасного пола в военных госпиталях, однако носить оружие им не разрешалось. А вот племянница императора, дочь его брата и соправителя, Анна Иоанновна, воинский устав, введенный её царственным родственником, проигнорировала.

Портреты этой женщины весьма разнятся. Одни живописцы изображали Анну Иоановну красавицей – видимо, из желания польстить, другие – тучной, обрюзгшей женщиной с полными злобой глазами. Такой она и была в действительности, но тем не менее в сорок лет выучилась верховой езде и меткой стрельбе. Современники отмечали, что на охоте Анна Иоанновна «убивала уток с лёта».

Императрица жутко боялась, что на неё будет совершено покушение. Какая-то гадалка предрекла ей смерть от кинжала. И она превратила свой дворец в неприступную крепость. Как писал С. Н. Шубинский в очерке «Императрица Анна Иоанновна. Придворный быт и забавы», опубликованном в седьмом номере журнала «Русская старина» за 1873 год, у окон её спальни всегда стояли заряженные штуцеры.

Фрейлин Анна Иоанновна подбирала из дам, обученных снайперской стрельбе и приёмам рукопашного боя. Они находились при ней неотлучно. Это был первый в истории России женский спецназ.

Женская гвардия Григория Потемкина

В 1789 году, когда Екатерина II вместе с австрийским императором Иосифом II была с визитом в Таврию (здесь генерал-губернатором был её фаворит Григорий Потемкин), у деревни Кадыковки неподалеку от Балаклавы царственных особ встречала кавалерийская

рота. И это было непередаваемое зрелище. Завидев высоких гостей издалека, кавалеристы неслись им навстречу во весь опор, сохраняя строй. Над головами всадников развевались разноцветные перья, сверкали золотые галуны. И тут Екатерина увидела, что рота состоит из... женщин.

Командир амазонок Елена Сарандова с изящной позолоченной саблей на боку и длинноствольным ружьем за спиной удостоилась чести быть расцелованной двумя монархами. Екатерина объявила о том, что присваивает ей чин капитана российской армии и подарила перстень с бриллиантами.

Но первую в стране женщину-офицера вскоре забыли. Женскую роту расформировали, Сарандова, у которой была после замужества другая фамилия – Шидянская, умирала в нищете, пока какой-то доброхот не подсказал ей написать письмо Николаю I. И император послал старушке 300 рублей серебром, а также писаря, которому велено было сохранить для потомков воспоминания капитана амазонок.

Надо сказать, что при Екатерине II еще одна женщина, донская казачка Татьяна Маркина под именем своего брата Курочкина, дослужилась до капитана. Но как только это стало известно, Маркину-Курочкина отправили в отставку.

Под чужим именем

В январе 1807 года в сражении с войсками Наполеона под Прейсиш-Эйлау героически погиб гвардейский офицер Тихомиров. Отряд Багратиона, прикрывавший отход русской армии в Восточную Пруссию, отступая, подобрал тела убитых. И лишь тогда обнаружилось, что командир роты улан – женщина. Между тем прослужила Александра Тихомирова под именем своего брата 15 лет!

Большую известность получила «кавалерист-девица» Надежда Дурова. Она родилась в сентябре 1783 года в семье гусарского ротмистра. Но мать, мечтая о сыне, невзлюбила девочку. Отец отдал Надежду на воспитание гусару Астахову. И седло, как вспоминала она потом, было первой её колыбелью. Астахов научил приёмную дочь верховой езде, метко стрелять, фехтовать.

Когда Наде исполнилось двенадцать, отец, который вышел в отставку и стал городничим Сарапула, подарил ей горячего коня Алкида, а шесть лет спустя выдал дочь замуж за судебного заседателя Василия Чернова. У них родился сын Иван, но Дурова не любила супруга. Ей приглянулся бравый казачий есаул, и Надежда ускакала вслед за полком, где он служил, на своем Алкиде.

Но эта любовь была мимолетной. И Дурова, убавив свой возраст и выдавая себя за юношу, у которого усы еще не пробились, поступила в Коннопольский уланский полк. Назвалась Александром Соколовым. Как и Александра Тихомирова, участвовала в боях с войсками Наполеона при Гутшадте, Гейльсберге и Фридланде. Обе женщины служили под началом Багратиона, но друг друга не знали.

Однажды, увидев что французы окружили раненого офицера, Дурова во весь опор понеслась его спасать. И спасла. Французы с позором ретировались. За это Надежду произвели в унтер-офицеры и наградили Георгиевским крестом.

Отец её потребовал от командира полка вернуть дочь домой. И о том, что Соколов – женщина, узнал даже император Александр I. Он затребовал Дурову в Санкт-Петербург и пошёл навстречу её просьбе – не увольнять из армии. В тот же день Надежда была переведена в аристократический Мариупольский гусарский полк в чине подпоручика под именем Александра Александрова. Император её законспирировал, а командира уланского полка, где служила Дурова, отправил в отставку.

Но слухи о «кавалерист-девице» продолжали распространяться. Надежде пришлось уволиться из армии. Уехала в Сарапул к отцу, но затосковала и в 1811 году снова поступила

на службу в Литовский уланский полк. В Отечественную войну командовала полуэскадрой. Участвовала в сражениях под Смоленском и при Бородино, где была контужена. Потом её назначили ординарцем к самому Кутузову, но проницательный полководец сразу же понял, что Александров – это женщина. Правда, никому об этом не говорил.

В 1816 году Дурова вышла в отставку в чине штабс-ротмистра. Жила то в Сарапуле, то в Елабуге у младшего брата Василия. Ходила в мужском костюме, все письма подписывала фамилией Александров.

Своей литературной деятельностью Дурова во многом обязана Пушкину. Великий поэт познакомился с её братом на Кавказе. И Василий Дуров в одном из своих писем, адресованном Александру Сергеевичу, рассказал о сестре. Поэт заинтересовался и попросил Надежду Дурову прислать свои воспоминания. Отрывок из них он опубликовал в журнале «Современник» в 1836 году. Потом они вышли отдельным изданием под названием «Кавалерист-девица. Происшествие в России». И Дурова стала знаменитостью. Её произведения публиковались в журналах «Библиотека для чтения» и «Отечественные записки», а в 1840 году вышли в свет сочинения в четырех томах. Два отставных генерала предлагали ей руку и сердце. Но она до конца дней своих оставалась одинокой. Умерла Надежда Андреевна в Елабуге на 83 году жизни. Она так и не узнала, что в Бородинском сражении участвовала и другая женщина – итальянка Франческа Сканагатта. Только на стороне противника.

Другие амазонки

О других женщинах, сражавшихся с французами в 1812 году, информация крайне скудная. Сколько тогда было лет партизанке Василисе Кожиной, историки до сих пор так и не выяснили. Известно, что родилась она в крестьянской семье и впоследствии стала женой старосты хутора в Сычевском уезде Смоленской губернии. На глазах Кожиной занявшие хутор французы убили её мужа, и Василиса поклялась отомстить врагам. Отряд, состоявший из женщин и подростков, вооруженный вилами, косами и топорами, нападал на оккупантов, уничтожал обозы. Император Александр I наградил Кожину медалью. В её честь названа одна из московских улиц.

В русско-японскую войну в кавалерии служили жены командира 22-го кавполка Н. Громова, офицера конно-горной батареи П. Щеголева и смотрителя дивизионного лазарета М. Макарова. О них в 1905 году рассказывалось в книге «Наши героини», но найти эту книгу мне не удалось.

В годы Первой мировой три женщины были награждены Георгиевским крестом. Они выдавали себя за мужчин. Елена Цебржинская числилась под фамилией Цетнерского в должности фельдшера пехотного полка, Ольга Шидловская воевала как гусар Олег Шидловский, а Антонина Пальшина – в кавалерийском полку Кубанской дивизии и как пехотинец в Севастопольском полку под именем Антон.

«Железные» бабы

Никто в Сормове не помнит эту женщину. Никто не знает, где её могила. Никто не может сказать точно, от чьей пули она погибла. А может быть, и не погибла вовсе. Речь идет о Галине Кузьминых, сподвижнице командира женского батальона смерти Марии Бочкаревой. Только несколько архивных документов, по какой-то счастливой случайности уцелевшие в пожаре Гражданской войны, да книга Бочкаревой «Яшка. Моя жизнь крестьянкой, офицером и ссыльной» хранят упоминания об одной из её ближайших помощниц. Между прочим, книга эта вышла в свет в США.

Галина Кузьминых была круглой сиротой. Из приюта сбежала, устроилась на Сормовский завод. Но проработала недолго. 7 ноября 1912 года 45 работяг объявили забастовку в знак протеста против смертного приговора царского суда матросам-революционерам. Уговорили

бросить работу и Галину. Карательные меры последовали сразу же. Зачинщиков забастовки арестовали, Галину уволили.

После этого она была прислугой, познакомилась с рабочим Осипом Кузьминых. Они поженились, но тут началась Первая мировая война, и Осипа мобилизовали. Месяц спустя пришло извещение о его гибели. И молодая вдова стала работать санитаркой в одном из госпиталей, а потом попросилась на фронт. И просьбу её удовлетворили, зачислили сестрой милосердия в 28-й Полоцкий полк, где служила другая женщина – Мария Бочкарёва по кличке Яшка, награжденная за храбрость Георгиевским крестом. У них, кстати, было много общего. В 16 лет Мария вышла замуж за Афанасия Бочкарёва, но жизнь с ним не сложилась, и Мария от него ушла. Познакомилась с уголовником Янкелем Буком, который промышлял разбоем. Отправилась с ним в якутскую ссылку. Узнав о начале первой мировой войны, отправила телеграмму на имя Николая II с просьбой разрешить ей стать солдатом. К её удивлению, император был благосклонен. Своим указом он разрешил призывать женщин на военную службу.

Бочкарёва поделилась с Галиной Кузьминых давно вынашиваемой идеей – создать женский батальон. И вскоре эта идея осуществилась. Яшка явилась к председателю Государственной думы Родзянко, который устроил ей встречу с Керенским. И Керенский поддержал Бочкарёву.

Одной из первых была принята в женский батальон Галина Кузьминых. Кроме неё, подали заявления ещё почти две тысячи женщин. Батальону выделили казарму на Торговой улице в Петрограде.

Но мужчины относились к женскому батальону недружелюбно. Как вспоминал командующий войсками Петроградского военного округа генерал Половцев, бросали камни в окна, распускали слухи, что Бочкарёва и её помощницы *«быют своим подчиненным морды, заставляют всех стричься под гребенку, требуют строжайшей дисциплины, а сами водят ночами к себе мужиков»* (Половцев П. А. Дни затмения. Москва, Государственная публичная историческая библиотека, 1999). Ничего такого не было и в помине.

В конце июня 1917 года батальон был построен на площади перед Исаакиевским собором. Ему вручили знамя, а Бочкарёвой. — золотую саблю и револьвер. И в июле женский батальон был направлен на фронт. Он с ходу пошёл в атаку, смял сразу две немецкие линии обороны. Немцы, кстати, до этого братавшиеся с русскими солдатами и пившие с ними шнапс, как огня боялись «железных баб» и, завидев их, нередко оставляли свои позиции. (Дроков С. Моя страна звала меня, Журнал «Дружба народов», 1993, №6).

В этом бою Бочкарёва была серьезно контужена, а Кузьминых ранена в бедро. Обе попали в один госпиталь.

Тем временем к власти пришли большевики, женский батальон расформировали. Прихватив с собой подругу, Бочкарёва едет к родителям в Новгородскую губернию. Отсюда, переодевшись в платье сестры милосердия, пробирается через Царицын к Корнилову. Галина Кузьминых остаётся у родителей Яшки Фролкиных, играя роль их дочери. Корнилов же посылает Яшку в Америку за военной помощью, но ее арестовывают на станции Зверево. За решётку попадает и Галина Кузьминых.

Сохранился протокол её допроса в ЧК. Однако никаких обвинений не предъявлялось. Кузьминых отпустили на волю. Отпустили, кстати, и Бочкарёву, учитывая её воинские заслуги.

В мае 1918 года она добралась до Лондона. С кем точно там она встречалась, неясно. Но в Архангельск была отправлена союзная эскадра. Бочкарёва тоже оказалась там. Однако правительство Северной области её идею возродить женский батальон смерти не поддержало. И она вместе с Кузьминых направилась в Сибирь, к Колчаку.

Увы, и эта поездка кончилась безрезультатно. Колчака вскоре расстреляли. Были арестованы и Бочкарёва, и Кузьминых. По одним сведениям обеих казнили, по другим, им удалось освободиться и бежать в Харбин, где сменили фамилии.

Героини

Многие женщины сражались на фронтах Гражданской войны как на стороне красных, так и на стороне белых. Во время Великой Отечественной нашу победу «приближали, как могли» не только труженицы тыла. Свыше 800 тысяч женщин служили в ПВО, в составе 1-й отдельной женской добровольческой стрелковой бригады, 100 тысяч были партизанками и подпольщицами. Центральная женская школа снайперской подготовки направила на фронт больше тысячи снайперов и 407 инструкторов. Выпускницы этой школы уничтожили 11280 фашистских солдат и офицеров. Женщинами были укомплектованы три авиационных полка. За храбрость, проявленную в боях с фашистами, 150 представительниц прекрасного пола были награждены орденами и медалями, 86 удостоены звания Героя Советского Союза.

Уже в наше время героем России стала Ирина Янина. Во время чеченской войны эта медсестра вынесла с поля боя 28 тяжелораненых и погибла.

Сегодня примерно десять процентов наших Вооруженных Сил составляют женщины. Но нам пока в этом плане далеко до других стран, например, Израиля.

5. НЕДАРОМ ПОМНИТ ВСЯ РОССИЯ

«ЕРОСТАТ» ДЛЯ РУССКОЙ АРМИИ

Наполеон в 1812 году наверняка не дошел бы до Москвы, если бы изобретатель Франц Леппих довел до ума свой «еростат», и тогда бы на головы «лягушатников», как называли французов, посыпались бомбы и зажигательные снаряды. Впрочем, это могла быть и грандиозная акция по камуфлированию другой, еще более секретной.

Немного истории

Первая попытка пересечь Ирландское море на аэростате была предпринята Ричардом Кросби 19 января 1785 года. Как писал историк А.В.Таланов в книге «Всё о воздушных шарах» (Москва, издательство «АСТ», 2003), «начало полета было удачным, но Кросби решил отложить перелёт ввиду наступления сумерек... 12 мая того же года Кросби предпринял вторую попытку перелететь Ирландское море, но она не увенчалась успехом».

Спустя полгода аэронавты Франсуа Пилатр де Розье и Жюль Ромэн, разбились, пытаясь пересечь Ламанш. Но через три месяца пилотируемый полет на аэростате француза Жан-Пьера Бланшара уже был вполне успешным. Как и его гастроли в Бельгии и в Америке в 1793 году.

Впервые аэростат был использован в ходе военных действий в июне 1794 года, причем именно во Франции. Наполеон прекрасно был осведомлен об этом, так что непонятно, какими мотивами он руководствовался, выслав Франца Леппиха из своей страны.

В России в 1803 году успешный полет на аэростате продемонстрировал опять-таки французский воздухоплаватель Гарнерен. Это было 20 июня, а 18 июля того же года русский генерал Сергей Львов совершил уже совместный полет с Гарнереном. Он изучал возможности применения аэростатов в военных действиях. Львов заявил императору Николаю I, что это заслуживает самого пристального внимания. Естественно, интерес к Францу Леппиху со стороны российских властей был не случаен.

Шмидт, который не Шмидт

В августе 1812 года в Нижний Новгород сплошным потоком потянулись тяжело груженные подводы. К причалам один за другим швартовались суда, грузчики трудились в поте лица. К Москве приближались французы, и генерал-губернатор Первопрестольной Федор Ростопчин, не дожидаясь распоряжений Михаила Кутузова (формально он подчинялся главнокоман-

дующему русской армией) и Александра I, начал эвакуацию правительственных учреждений. Потянулись в Нижний и беженцы.

Массовый исход из Белокаменной начался после Бородинской битвы. Тайно и под усиленной охраной был доставлен в Нижний Новгород золотой запас казначейства. Вывезли в полном составе и со всеми бумагами Сенат, государственные архивы, почтамт, Московский университет. Но еще большей завесой тайны было обставлено появление в городе некоего доктора Шмидта. Он прибыл один в просторной карете с бумагами, подписанными Ростопчиным. Губернатору Толстому предписывалось предоставить *«означенному Шмидту надежный дом с охраной, груз также хранить, как зеницу ока»* (ЦАНО).

Только много лет спустя выяснилось, что Шмидт — совсем не Шмидт, а германский подданный Франц Леппих, известный изобретатель. Вёз же он с собой огромную оболочку воздушного шара, на изготовление которой потребовалось больше трех с половиной тысяч погонных метров «тафты особого тканья» — прочной и очень дорогой материи.

Гений или шарлатан?

В Нижнем вёл себя «доктор Шмидт» тише воды, ниже травы. Он ни с кем не общался, из дома, куда его поселили, не выходил, ждал, когда ему будет разрешено появиться в Петербурге. И когда получил такое разрешение, немедленно покинул место своего временного пребывания. Ему нужно было доделать то, чего он не успел доделать.

Францу Леппиху накануне исполнилось 37 лет. Он прославился у себя на родине, в Тюбингеме, тем, что изобрел принципиально новый вид фортепьяно. А потом его вдруг потянуло в небо. В начале 1812 года Леппих предложил Наполеону построить управляемый воздушный шар, который *«способен поднять на большую высоту разрывные снаряды и сбросить их на головы врага»*. При этом шар будет недосыгаем для ружейного и артиллерийского огня.

Наполеон посчитал Леппиха шарлатаном и распорядился выставить его из Франции. Но вскоре лазутчики донесли, что «шарлатаном» заинтересовалась Россия. И действительно, 22 марта 1812 года русский посланник в Германии докладывал Александру I: *«Сделано открытие великой важности. Оно должно иметь выгоднейшие последствия для тех, которые первыми оными воспользуются»* (там же). Далее в донесении описывалось устройство «летучей машины» Леппиха с оригинальными «веслами-крыльями».

Император повелел немедленно доставить изобретателя в Россию и обеспечить его всем необходимым для работы.

Плохому изобретателю железо мешает

В середине мая 1812 года Леппих приступает к реализации своего проекта. В подмосковном селе Вороново, в усадьбе Федора Ростопчина он вместе с кузнецами, слесарями и белошвейками начинает сооружать нечто огромное. О масштабах работ можно судить по тому, что только железа и серной кислоты потребовалось больше шести тонн. Часть железа пошла на изготовление «весел-крыльев», а другая часть — на выработку водорода, получаемого в ходе реакции с серной кислотой.

Федор Васильевич Ростопчин постоянно информировал императора о том, что делается в Вороново. Но постепенно в его рапортах стало проскальзывать разочарование увиденным. *«Шмидт уверял, — писал Ростопчин в июне 1812 года, — что он уже поднимался на маленьком шаре с полной удачей, что и служит ему ручательством того, что и попытка с большим шаром будет успешной. Но когда он мне объяснил теорию, то я возразил, что тяжесть весел-крыльев, с помощью которых он хочет перемещать в воздухе свой шар, переломит пружины. И я не ошибся. Опыты, которые он делал два раза на маленьких шарах, ему не удалось: рессы ломались сразу же. Шмидт сваливал вину на дурное качество железа. Я доставал ему*

лучшее – английское, которое тоже ломалось» (Сочинения графа Ф. В. Растопчина, Москва, Университетская типография, 1823).

К 10 августа работы были в основном закончены. Растопчин посылает царю депешу: *«Через 10 дней Шмидт произведёт небольшой опыт с крыльями. Я отправил в Вороново двух офицеров и 50 солдат для несения охраны»* (там же).

Но Растопчин обо всем этом Кутузова почему-то не информировал. Тот узнал о «секретном оружии» от государя. И главнокомандующий пишет Растопчину: *«В каком состоянии еростат? Прошу мне сказать, как его употребить удобнее?»* (там же).

Увы, генерал-губернатору Москвы сказать было нечего. «Еростат» так и не взлетел.

Просто сумасшедший

Чтобы скрыть следы работ по изготовлению огромного воздушного шара или какой-то другой, Растопчин накануне вступления Наполеона в Москву поджигает свою усадьбу. Шмидта-Леппиха вместе с шелковой оболочкой шара отправляет в Нижний. А императору пишет следующее письмо: *«Он построил шар, который должен был поднять 50 человек, и назначил час поднятия. Но прошло пять дней, и ничего не готово. Вместо шести часов Шмидт употребил целых три дня, чтобы наполнить оболочку газом. Но шар не мог поднять и двух человек. Одним словом, большая машина не готова, надо отказаться от возможности извлечь из нее ту пользу, которую ожидали. Можно только пожалеть о 148 тысячах рублей, потраченных на ее изготовление»*. А в заключение Федор Васильевич делает такой вывод: *«Я уверен: Шмидт — просто самый настоящий сумасшедший шарлатан»* (там же).

«Просто сумасшедший» в 1813 году появляется в Петербурге. И вновь обращается к Александру I с просьбой предоставить ему возможность исправить допущенные ошибки. И Александр, словно замороженный, почему-то дает добро.

И снова повторился до мельчайших деталей предыдущий сценарий. Снова Леппих жаловался на плохое качество железа, снова шар никак не хотел взлетать. Было истрачено ещё 185 тысяч казенных денег. И опять — впустую. Ученый Артиллерийский комитет, рассмотрев результаты работ, признал, что «проект был неудачен». Изобретатель с позором был изгнан из России.

Легенда прикрытия?

До сих пор нет ответа на вопрос, почему загорелась Москва, когда в неё вошёл Наполеон. Существует немало версий на этот счет. В числе тех, кто якобы отдавал распоряжение о поджоге домов, называют и Кутузова, и самого императора, и Растопчина. Другие считают, что пожар — это дело рук французов. Сами же москвичи, ставшие свидетелями постройки огромного воздушного шара с «веслами-крыльями» утверждали, что все это было как бы прикрытием другой секретной работы. На самом деле Леппих по заданию Растопчина изготавливал зажигательные смеси.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.